

Сакадин Олег

ПОСЛЕДНИЙ ТЕРАКТ

КНИГА 2

Олег Сакадин

Последний теракт. Книга 2

«Издательские решения»

Сакадин О.

Последний теракт. Книга 2 / О. Сакадин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743084-9

Платону Самсонову, члену совета директоров крупнейшей корпорации в мире, попадает в руки информация, способная разрушить не только действующий миропорядок, но и привести человечество к третьей мировой войне. Понимая, что помощи ждать не от кого, поскольку враг, разработавший столь гениальный и чудовищный план, стоит намного выше любого президента, Платон Самсонов предпринимает отчаянную попытку предотвратить надвигающуюся волну и противостоять самому грозному противнику в мире.

ISBN 978-5-44-743084-9

© Сакадин О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 4. Голиаф	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	38
Глава 5	48
Глава 6	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Последний теракт Книга 2

Олег Сакадин

© Олег Сакадин, 2024

ISBN 978-5-4474-3084-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-5237-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 4. Голиаф

Глава 1

«Существует некий предел, до которого можно выдерживать боль. Пока существует этот предел, настоящей боли нет».

Айн Рэнд. Источник.

Проснулся Платон тревожно, словно и не спал вовсе, хотя с момента прикосновения головы к подушке прошло больше пяти часов. Лишь после нескольких мгновений он осознал, что был разбужен знакомой мелодией собственного телефона, который валялся у бассейна этажом ниже, и если бы тот не был настроен на полную громкость, никогда бы не дотянулся до слуха хозяина.

«Странно, я думал, что вчера была его последняя песня» – подумал Платон, искренне удивляясь стойкости аппаратуры.

Чувствуя легкое головокружение, он спустился на первый этаж в большой каминный зал, акустика которого усиливала звуки разрывающегося телефона, хотя тот лежал и упорствовал возле бассейна, который находился чуть дальше за стеной.

Платон пару раз чуть не поскользнулся на мокром кафеле, сомнительно посмотрел на небольшую лужицу, в центре которого обосновался телефон, и, осторожно, двумя пальцами, выудил пленника из чужеродной среды.

– Да, я слушаю?

– Платон Сергеевич! С вами все в порядке? – голос Смольной был весьма взволнован.

– Вроде живой, – неохотно ответил тот. – А что случилось?

– У нас тут полный аншлаг. Я уже отменила утреннее совещание по проекту, которое мы назначили два дня назад, и распустила всех по рабочим местам. Потом приходил Соколов собственной персоной, искал вас. Потом звонили из администрации Кеми, по поводу какого-то договора – я перетрясла весь юридический отдел, но начальник божится, что все по этому делу находится исключительно у вас. Потом...

– Ладно-ладно! Я понял! – запротестовал Платон. – Собираюсь, скоро буду.

– За вами прислать машину?

– Не стоит, я сам.

– Да и еще, – неуверенно продолжила Евгения, сильно смущаясь.

– Говори, – подбодрил ее Платон.

Тем не менее, Смольной потребовалось еще некоторое время, дабы собраться с духом.

– У меня к вам есть одна просьба, это не совсем по работе, точнее, по работе, только не по моей, хотя и относящейся к корпорации в целом, в общем, это касается одной моей знакомой...

– Ладно, я понял, в офисе расскажешь. Помогу чем смогу, сама знаешь.

– Да-да, конечно, – выдохнула Смольная. – До встречи!

– Пока.

Платон принял душ, немного постояв под потоком ледяной воды, желая взбодрить уставшее тело, наскоро перекусил, приоделся, схватил спутниковый телефон – единственное средство связи, находившееся в добром здравии, ибо прежний сотовый друг, героически пережив ночь в водной среде, после разговора со Смольной испустил свой последний электрический вздох, но Платон решил не выбрасывать его на помойку, видимо учитывая прежние боевые заслуги, а просто отдать в ремонт – и выскочил на улицу.

Красный Мерседес стоял на своем месте, причем настолько вписываясь в окружающую среду, словно был создан именно для нее, да и сам дом со всеми дополнительными строениями был будто построен с целью облагородить и подчеркнуть внешний облик машины.

«Анастасия Викторовна. Настя», – пронеслось в голове.

В салоне было приятно и тепло, видимо, совсем недавно еще работал двигатель. Платон медленно уселся за руль, явно в смущении, и осторожно огляделся по сторонам. Несмотря на все усилия, привести в порядок мысли так и не удалось, к тому же на душе скребли такие адские кошки, словно вместо когтей орудовали заточенными граблями.

– Настя? – не громко сказал он, но тут же умолк, словно прозревший, схватился за голову и зажмурился, будто ожидая мгновенной атаки со стороны.

«Идиот!!!».

Просидел так Платон с несколько минут, ненадолго открывая глаза и снова жмурясь, но в итоге пришел к выводу, что опасность миновала, и его оплошностью никто не воспользуется. Почувствовав облегчение, он достал небольшой ноутбук с заднего сидения, и подключил его к прикуривателю.

– Ты здесь? – быстро пробежался по клавиатуре Платон, едва только система загрузилась.

– *Нет, знаешь, вышла погулять, но скоро вернусь*, – забежала невидимая рука в ответ. – *Будь осторожен, Платончик, не забывайся, пожалуйста.*

– Да-да, я знаю, прости.

– *Ничего. Как ты себя чувствуешь? Как голова?*

– Как после свидания с гильотиной. Мыслей не собрать.

– *Понимаю. А я вот «Карамазовых» дочитываю, уже вечером перейду на «Крошку Доррит».*

– Завидую, – искренне признался Платон, которому в эту минуту до мировых шедевров классики было так же далеко, как вплавь до острова Пасхи.

– *Ты очень утомлен. Хочешь, я поведу? На работу ж ведь?*

– Ага, в Сити. Было бы неплохо, – согласился он.

Двигатель издал приглушенный звук и машина завелась.

– *Поехали, только открой ворота.*

По дороге Платон умудрился заснуть, но был разбужен на этот раз звуками спутникового телефона.

– Черт бы тебя побрал, Платон! – вместо будильника прорычал Соколов. – Какого хрена ты не берешь этот телефон, когда звонят!?

– А, Саш, я... привет, я просто сильно устал. У меня была просто адская ночь.

– Знаю я вас, молодежь, с вашими адскими ночами, – немного смягчился Александр, – и не стоит путать красивых баб с рогатыми отродьями преисподней. Ты где?

– Еду на работу, – Платон решил не развеивать миф содомской ночи.

– А ты ранняя пташка, я погляжу, ха-ха! Ладно, как будешь на месте, заскочи ко мне, есть разговор.

– Да, конечно. Что-нибудь случилось?

– Ничего смертельного. На месте расскажу. Жду!

И он повесил трубку.

Платон не почувствовал тревоги видимо потому, что на душе ее и так было перебор. Он просто устал в окно, смотря на мелькающие мимо дома. Машина легко скользила по улицам города, руль лишь слегка покачивался из стороны в сторону на изгибах дороги. Все это, безусловно, выглядело дико, но Платон решил больше ничему не удивляться.

Дожить до вечера, только бы дожить и не свихнуться! Он должен услышать ее голос! Услышать еще раз и понять, что он не конченный псих! И в то же время все вокруг было реально, просто одна реальность отчаянно пыталась вытолкнуть другую потому, что та, вторая, ну никак

не вписывалась в рамки человеческих стереотипов. Более того, она не просто противоречила здравому смыслу, но еще грозила стереть в порошок первую, более спокойную и уравновешенную реальность, реальность полную жизни, достатка, друзей, возможной любви, огромных перспектив, да чего только она в себя не вмещала! Что предлагала та, вторая? Она не только ставила под вопрос существования его, Платона, жизни, но и готова была положить на алтарь чудовищной правды миллионы других, ни в чем неповинных жизней! И все-таки в глубине души, где-то очень глубоко он втайне надеялся, что все еще обойдется.

На работе, как всегда, была рабочая атмосфера, и творческий беспорядок в головах читался чуть ли не в каждом встречном взгляде сотрудников. Платон быстро проскочил к себе в кабинет, не желая ни с кем говорить.

Смольная сидела на кожаном диване для редких посетителей и пила кофе. Завидев пропавшего шефа, она резко вскочила и схватила со стола свою извечную спутницу – черную кожаную папку, в которой всегда лежали все необходимые для работы бумаги и записи.

– Платон Сергеевич! Что нам делать с совещанием по проекту? Переносим на завтра?

– Не стоит, – Платон уселся в свое необъемное, очень удобное компьютерное кресло. – Созови всех на пять.

– Хорошо, – сделала пометку у себя Смольная. – Еще раз звонили из администрации Кеми по поводу договора на землю.

– Сейчас отправлю. Мне все уже подготовили и согласовали.

– Отлично, – и гелиевая ручка в ее руке поставила еще одну галочку. – К вам все рвется на беседу Петр Буганов, уже трижды приходил.

– Опять будет уговаривать ускорить проект, – вздохнул Платон, – достал уже. Ладно, пусть заскочит минут через сорок.

– Звонил Александр Соколов...

– И мне тоже, – слегка улыбнулся он, – мы обо всем договорились.

Евгения улыбнулась в ответ, словно довольная тем, что все проблемы решаются довольно быстро.

– Так, что там у нас дальше. Вас искал Сергей Васильевич Мельников, заместитель министра строительства области, что-то по поводу изменений в государственном контракте. Это по «Новому Свету».

– Я понял. Но почему меня? Это к Красовскому.

– Вот-вот, и я сначала так сказала, но Красовского в стране сейчас нет, и приедет он лишь через неделю.

– Ну так у него заместителей уйма.

– И я так же думала, но видимо, вопрос весьма важный для их уровня, ведь это дошло даже до Самого, с которым связались из администрации президента, а он в свою очередь перекинул все на вас.

– Этого еще не хватало, – недовольно пробурчал Платон. – Разгребать проблемы Красовского. Ладно, раз уж дошли до Петровича, значит и вправду что-то стряслось. Свяжись с Мельниковым и договорись о встрече.

Смольная кивнула, и, поскольку с горящими вопросами было покончено, ненадолго застыла на месте, не решаясь уйти, но и продолжить разговор тоже.

– Говори, что там у тебя случилось, точнее, что с подругой, – начал сам Платон, который не был бы таким замечательным руководителем, если бы так не запоминал личные вопросы своих подчиненных.

– Она, видите ли, не совсем мне подруга, скорее сестра одной моей знакомой по институту, работает в корпорации в договорном отделе общих проектов. Точнее, работала.

– Ее уволили?

– Да, вчера днем, на пятом месяце беременности. И ладно бы я сомневалась в ее работоспособности, напротив, из многих работающих там едва лишь она одна симпатизировала мне в то время, когда меня саму, ну, вы помните.

– Хм, на пятом месяце, – заметил Платон, – в чем причина?

– Видимо, личная неприязнь руководителя, который заставил написать ее уход по собственному желанию.

– Фамилия?

– Шарапов.

– Твою ж мать! – неожиданно вскипел Платон так, что Смольная в страхе отскочила на шаг назад и уставилась на него дикими глазами. – Извини, я не хотел. Пригласи ее ко мне, это возможно?

– Да-да, конечно! – обрадовалась Евгения. – Чего проще, она как раз разбирает дела с бухгалтерией и получает расчет. Я позвоню ей.

Минут через пять перед Платоном предстала небольшого роста белокурая девушка. Он даже кофе не успел допить.

– Напомните, пожалуйста, как вас зовут? – стараясь быть тактичным, поинтересовался он.

– Ланская Ирина, – представилась девушка. Ее глаза слишком устали, и, возможно, еще недавно проливали слезы, поэтому она избегала смотреть на свет, постоянно жмурясь.

– Ирина, хорошо. Расскажите, как все произошло?

Как и ожидалось, ничего нового Платон не услышал, разве что формальную часть увольнения – ей оказалась путаница с какими-то дополнительными соглашениями к одному контракту, касающемуся академии наук. Их попросту не нашли в электронном виде, тогда как оригиналы сгорели в машине – заместитель начальника отдела попал в аварию. Шарапов свалил весь груз ответственности на Ланскую, руководствуясь, с ее слов, исключительно на личностной неприязни, ведь она никак не могла относиться к этому инциденту – даже формально можно было доказать, что именно в то время, когда готовились злополучные соглашения, она лежала в больнице на сохранении. Более того, среди сотрудников отдела ходил упорный слух, будто именно Шарапов занимался их заготовкой, ведь никто другой этих соглашений и в глаза-то не видел. Больше слов для Платона не требовалось. Он без особых колебаний поверил пострадавшей девушке. Со стороны это выглядело бы настороженно, но, во-первых, он достаточно хорошо знал Шарапова для того, чтобы понять, какую мерзость тот являл, и, во-вторых, для Платона была весьма значительна позиция Смольной.

– Вас не уволят, мое слово, – после некоторых раздумий, но не особо долгих, дабы не пугать без того расстроенную Ланскую, произнес он. – Возвращайтесь сегодня домой, и отдохните до конца недели, а в понедельник на работу.

Ланская внезапно вспыхнула от радости как майский цветок, дождавшись долгожданного утреннего солнца, но потом вновь опустила глаза, погаснув, словно нежный бутон опалил свои лепестки.

– Простите, – медленно и тихо заговорила она, – простите меня за мою наглость.

Платон от неожиданности вытаращил глаза, не зная, что и сказать.

– Еще раз простите, просто я хотела попросить, если это возможно, перевести меня в любой другой отдел, – слова по-прежнему давались ей с трудом. – Я безмерно благодарна вам за все, но поверьте, я просто боюсь теперь работать рядом с этим человеком...

– Не стоит, – прервал ее Платон, – обойдемся без этого. Больше вы этого человека не увидите здесь. И это тоже мое слово.

На глазах Ланской выступили слезы. Не давая ей выплеснуть подошедший к сердцу поток благодарности, Смольная подхватила подругу под руку и вывела из кабинета. Платон отдал

должное своей помощнице, которая как всегда смогла прочувствовать его состояние и понять, что чего-чего, а сейчас его лучше всего оставить в покое.

Настя.

Платон вздрогнул, стараясь сосредоточиться, и заказал по телефону еще кофе, попросив к нему булочек с маслом и шоколада. Потом позвонил и вызвал к себе Андрея Гучкова, руководителя юридического департамента, который не заставил себя ждать, явившись тут же.

– Присаживайся, Андрей Викторович, – пригласил гостя Платон. – Скажи мне, пожалуйста, с каких это пор наша корпорация докатилась до того, что начала увольнять с работы беременных женщин?

Признаться честно, Гучков передумал в голове миллион мыслей, пока шел сюда, но был поражен, настолько он не ожидал подобного.

– А как вы... – спохватился было он, осознав всю глупость этого вопроса, но Платон сжался, и не стал хватать подчиненного за эту оплошность – просто промолчал, выразительным взглядом давая понять, что ждет объяснений. – Если вы по поводу Ирины Ланской, – продолжил Гучков более уверенно, – то ее уволили по весьма веским причинам.

– Кто это тебе сказал, Шарапов?

– Да, Роман Семенович.

– Нализывая при этом твою светлую задницу, – заключил Платон, и жестом показал внезапно вспыхнувшему Гучкову, что не требует объяснений. – Вот что я тебе скажу, Андрей – ты хороший сотрудник и нормальный человек, но насколько я порой не могу понять отдельных людей, настолько не понимаю сейчас и тебя – но почему ты до сих пор не погнал в шею Шарапова, ведь ты прекрасно знаешь, насколько тот отвратителен? – и вновь Платон остановил Гучкова, который уже был готов пуститься во все тяжкие. – В общем, Бог тебе судья за то, что держал здесь этого паразита, которого, насколько сам знаешь, не будучи дураком, вообще к людям подпускать нельзя, не то, что ставить руководителем. Повторюсь, что Бог тебе судья за прошлое, но с завтрашнего дня его нога не переступит порога корпорации, и мне плевать, как ты это сделаешь. Вопросы есть?

Весь вид, интонация, утомленный взгляд Самсонова настолько красноречиво говорили сами за себя, что Гучков не решился подставлять свои интересы, вступаясь за товарища. Он лишь понятиливо кивнул и хотел уже было уйти, но вдруг нерешительно остановился у самой двери, колеблясь.

– Платон Сергеевич, у нас отчетный период на носу. Без руководителя сейчас...

– А кто сказал, что без? – усмехнулся Самсонов. – У меня для тебя замечательная кандидатура в лице госпожи Ланской.

– Но она беременна, – опешил Гучков, но совсем не оттого, что Ланская была беременна, он даже и сам потом не мог разгадать, что именно вдруг толкнуло его выставить подобный аргумент. Кандидатура Ланской сама по себе противоречила его интересам, хотя и косвенным.

– И что из этого? – ответил Платон, пока в голове Гучкова пролетал вихрь беспокойных мыслей. – Получит больше пособия по беременности, а корпорация не обнищает. Да и не только из жалости ставлю ее на место Шарапова, кадр она толковый, и, думаю, принесет со временем немало пользы для общего дела.

Платон устало выглянул в окно, давая понять, что разговор окончен.

Роман Шарапов представлял собой тот, к сожалению, нередкий тип людей, который крайне негативно отражался на обществе в целом – активный вредитель-паразит, живущий по принципу: сделал гадость – на душе радость. Он просто жить не мог без предвкушения разных интриг, от безобидных, до весьма низких и подлых, которые, разумеется, негативно отражались на его подчиненных. Да, горе тем бедолагам, коим посчастливилось попасть под его начало. За два года работы из отдела Шарапова плавно утекло внушительное количество

квалифицированных кадров, тем или иным образом не устроивших его светлейшую особу. Причем уходили люди чуть ли не с позором, уличенные в безделье, глупости, некомпетентности, пьянстве, нежелании работать и многом другом. Да, такова была слабость Шарапова, при общении с вышестоящим руководством он как мог белил себя и даже жалел нередко, уповая на то, что кроме него здесь никто не работает. Создавать вид кипучей деятельности было одним из его немногих талантов. Бывший военный – к которому как ни кому другому подходила обидная фраза для всех военных: «сапоги не умеют работать» – истинный человек «системы», впитавший в себя самое гнусное и отвратительное, что она могла представлять, действовал во многом механически, считая себя весьма ценным механизмом для общего дела. Подчиненных он также считал механизмами, вот только временными, весьма бесполезными, постоянно скрипящими, хромающими, и за людей как таковых вообще не считал. Он мог уволить единственного кормильца семьи, беременную женщину, почетного работника корпорации, которому пару лет до пенсии, да вообще он мог уволить кого угодно из подчиненных, ведь то, что творилось с ними за пределами работы, Шарапова вообще ничуть не интересовало. Если и было у этого бездушного человека что-то святое, то никто из окружения этого не знал. Хотя нет, святой предмет на работе для него все-таки существовал, и это была задница Андрея Гучкова, которую Шарапов вылизывал при каждом удобном случае с такой тщательностью, словно знал о задницах все и был старым опытным проктологом. Да, Гучкова Роман читил чуть ли не за святого (а как же? начальник же), был по-собачьи верен и превозносил в разговорах с подчиненными. И лишь эта преданность держала его от ударов с верхов, лишь протекция Гучкова позволила Шарапову больше двух лет пить кровь подчиненных. Платон всегда недоумевал, почему Гучков столько времени держал такого клеща, получившего в среде подчиненных комичное прозвище «бородатый хомячок» за глупую бородку и толстые щеки, но так и не получил нужного ответа. Если общественная мысль в свое время осуждала таких персонажей, как Илью Обломова и Степана Верховенского, обвиняя их в общественной бесполезности, то я, дорогой читатель, полностью убежден, что уж лучше тысячу Обломовых и Верховенских, чем один «полезный», но мерзкий Шарапов, ведь на деле жизненного поприща весьма ценны порой бывают люди, не трогающие этого поприща вообще, тем самым не рискуя навредить ему своим вмешательством. Шарапов же делал это ежечасно.

Вот и сейчас он сидел, нежно обсасывая куриную ножку, и наслаждался эффектом того, как довел до слез секретаршу отдела за то, о чем уже забыл. При входе в кабинет Гучкова, Роман вскочил было облизать любимого начальника, но встретив непривычный, укоризненный взгляд недовольного хозяина, говорящий обо всем, чуть было не завыл как брошенная собака.

Больше всего Платону хотелось сейчас лечь и всласть отоспаться, но он понимал, что даже если бы представилась такая возможность, то свершившаяся в голове катастрофа все равно не позволила бы отдохнуть мозгу. Внутри поселилось такое отчаяние, что Самсонов даже боялся смотреть в глаза Смольной, дабы не выдать своих мыслей. О других людях он вообще думать не хотел, но как назло именно сегодня придется решать проблемы Красовского.

Выпив третью чашку кофе с плиткой горького шоколада, он принял Петра Буганова, опытного аналитика, который обладал жизненной потребностью бежать впереди планеты всей. Платон догадывался, о чем пойдет речь и на этот раз – ускорить сроки завершения проекта «Народный автомобиль».

Едва переступив порог кабинета, еще по пути к предложенному креслу, Буганов привычно затараторил (а речь его была подстать характеру: быстрая и неутомная).

– Платон Сергеевич! На этот раз я готов представить вам неопровержимые факты того, что нам необходимо ускорить проект! Из надежного источника я узнал, что пару дней назад команде Прохорова удалось успешно испытать их новый двигатель для проекта, весьма похожего на наш, но который даже названия не имеет! Не смотря на то, что в народе мало в это

верят, я убежден, что Прохоров добьется своего и выпустит эту машину, но мы должны быть первыми! Надо ускорить сроки проекта!

– Когда ты думаешь, они начнут производство? – равнодушно спросил Платон.

– Года через два.

– Тогда в чем вопрос? «Народный автомобиль» пойдет на конвейер в конце следующего года.

– Да, но ведь они тоже могут ускориться! А мы должны быть первыми! – не унимался Петр.

– Так, все, хватит, давай закроем эту тему раз и навсегда! – не выдержал Платон, которому неужемность Буганова порой вставала поперек горла, как и многим другим. – Что происходит? Почему ты так переживаешь? Что, неужели мир содрогнется и рассыплется в прах, если кто-нибудь опередит тебя и команда Прохорова выйдет на рынок раньше нас?

– Мы должны быть первыми, – намного тише проговорил Буганов. Его взгляд как будто потух на время, чтобы разгореться вновь от досады и непонимания со стороны руководства, что не ускользнуло от Самсонова. Платон понял, насколько болезненно мозоль сторяча задел, и в любое другое время проникся бы гораздо больше к недостаткам Буганова, но только не сейчас, когда собственная жизнь трещала по швам, и в голове творилось черт знает что.

– Послушай, Петь, – более мягко, совсем неофициально сказал Самсонов, – Ну что же мне с тобой делать, как помочь? Сколько раз я старался сказать тебе, что... – он ненадолго умолк, размышляя, как бы ни обидеть Буганова еще больше. – Пойми, что для меня «Народный автомобиль» лишь на последнем месте коммерческий проект. Пойми, что я хотел бы хоть что-то в этой жизни сделать для своей страны и народа, а подарить им доступный и качественный автомобиль, как мне кажется, не самое плохое дело. Я, как и все вы, вложил в этот проект слишком много, чтобы в последний момент испортить хоть что-нибудь ненужной спешкой, и, в отличие от тебя, не отношусь так критично к команде Прохорова с их проектом. Напротив, я даже буду рад, если в России в одну эпоху появятся два стоящих проекта, который сможет возродить искалеченный автопром. Могу тебя успокоить лишь тем, что наш проект в любом случае будет превосходить. Звучит похвально? Возможно. Но я опираюсь на сухие данные. При всем богатстве Прохоров не в состоянии поднять такое количество ресурсов, которое использует корпорация. Ты не согласен?

– Согласен, – кивнул Буганов. – Я понимаю вас, Платон Сергеевич, и с болью чувствую собственную слабость, которой когда-то очень гордился.

– Быть всегда первым это не слабость! И ты один из лучших аналитиков, иначе не работал бы у меня, просто не доводи до фанатизма и не воплощай свою потребность там, где не стоит.

– Я постараюсь, – хмуро согласился Буганов, собираясь уходить. – Еще раз извините, стоять не ускорение сроков больше не буду. И все же надеюсь, что мы будем первыми.

Платон выразительно развел руками и проводил Петра самым благодушным взглядом, на который только был способен в подобном состоянии.

Не позволяя себе забыться и расслабиться, он позвонил Смольной узнать, назначена ли встреча с Мельниковым, заместителем министра строительства московской области.

– Да-да, – подтвердила Евгения, – он вызвался сам приехать сюда к четырем часам. Я хотела дождаться, пока вы закончите с Бугановым, чтобы сообщить.

– Приедет сюда? Серьезно? – искренне удивился Платон.

– Да, он вызвался сам, выразив надежду, что так будет гораздо комфортнее и вам и ему.

– Но мне-то понятно, а вот ему... ну ладно, пусть будет так. Что-нибудь срочное сейчас есть?

– А договор по земле?

– Уже отправил и переслал копию Нестерову, в следующий раз терзай его.

– Договорились. Тогда вроде все по графику.

Хорошо, подумал Платон. До встречи с Мельниковым (что ему, черт побери, от меня нужно, что даже сам рвется сюда?) более двух часов, до остального же просто нет никаких сил. Решив хоть как-то отвлечься от сжигающих душу мыслей, Платон вознамерился навестить Макарова, благо до того было недолго доехать. Очень хотелось почувствовать присутствие родной души, верного друга, биение братского сердца. Но перед выходом он заскочил к Соколову.

– Здорова, Платон, присаживайся, – бросил Александр, не отрывая взгляд от большого экрана, центра управления СБГ. Он как раз просматривал какие-то отчеты, бросал в микрофон, свисающий с подбородка, непонятные Платону обрывки фраз, полную белиберду, которую ни один нормальный человек не понял бы. Длинный полукруглый стол был заполнен аккуратно разложенными папками разных цветов, толстыми отчетами агентов о проведенных операциях, в два ряда «спиной к спине» расположились десять ноутбуков, на экранах которых виднелись непонятные Платону таблицы, похожие на индексы биржевых сделок, текущие в полный разброс цифры, напоминающие кадры из фильма «Мартица», видеонаблюдения с камер, висящих где-то вдоль башни Федерация, благодаря чему Соколов мог видеть всю округу как на ладони, и лишь на одном ноутбуке был разложен оставленный пасьянс. Ждать Платону пришлось недолго, но за все время, что он здесь находился, пока Соколов был занят непонятными переговорами, в голову не залезло ни одной заплутавшейся мыслишки, настолько она была выведена из строя и не функционировала. Он лишь застыл над пасьянсом и больными мозгами пытался разложить оставшиеся карты.

– Чего завис? – резко пододвинулся к нему Александр. Оказывается, он уже трижды окликал Платона. – Нет, брат, так никуда не годиться. Жениться тебе надо, вот что! А то эти ночи тебя изведут.

Платон непонимающе уставился в глубокие, насмешливые глаза Александра, и первые секунды вместо зрачков видел лишь даму пик и бубнового короля.

– Да, ты прав, второй такой ночи я больше не переживу, – скорее механически, не особо раздумывая над словами, ответил он.

– Что случилось? Ты меня пугаешь.

– Да нет! Все в порядке. Сердечная рана, – спохватился Платон, опасливо косясь на Александра. Соколов понял этот взгляд, даже на секунду насторожился, но потом расслабился и не придал ему должного значения.

– Тут я тебе не помощник. Дела сердечные для меня, сам знаешь, тьма крошечная, одна только мужская похоть, вот и все мои сердечные дела. Подумай сам, какая баба полюбит такую гориллу?

– Мне очень жаль.

– Не стоит, – отмахнулся Соколов, – по крайней мере, в отличие от тебя, я не страдаю от этих самых сердечных дел. Ну да закроем тему! Я тебя по делу вызвал. Мне нужна машина на недельку.

– Какая машина? А что с джипом? – не понял Платон.

– Твоя, твоя дорогой. Машина твоя мне нужна для проведения полной диагностики. Надо будет отогнать ее в гараж СБГ ненадолго.

– Как так? Почему? – чуть ли не подпрыгнул Самсонов, чем вызвал еще один подозрительный взгляд Александра. Но на этот раз подозрительность его прошла даже быстрее, чем минуту ранее, и Соколов не на шутку встревожился.

– Платон, да ты не в себе! Расслабься! Что случилось, черт побери! – и дружески хлопнул того по спине, отчего чуть не сломал позвоночник.

Платон взвыл от боли и рухнул со стула, но был подхвачен в полете и поднят в воздух быстрым движением мощных рук.

– Ой-ой, прости брат, я не хотел, не рассчитал, – оправдывался Соколов. – Ты как, живой?

Платон с болью кивнул, и постарался встать на ноги, ухватившись за край стула.

– Ну вот, так гораздо лучше, – одобрил Александр, – а ты говоришь, сердечные дела, я ж так возлюбленную раздавлю в порыве страсти.

Он хотел так пошутить, разряжая обстановку, но Платон лишь вымученно улыбнулся.

– Все хорошо Саш, все будет хорошо. Это пройдет. Только, не говори Петровичу, пожалуйста.

– Не переживай, у него и без тебя проблем хватает. И Анастасия Викторовна куда-то запропастилась.

– Как так? – Платон уже боялся, как бы Александр не заметил дикость и ужас, промелькнувших в его глазах.

– Да вот, не знаю. Долгая командировочка получается, а я даже не знаю, если честно, где она, чего за мною не наблюдалось последние десять лет. Но Петрович молчит и не хочет разговаривать на эту тему.

– Молчит? И никаких намеков?

– Не мое, мол, дело говорит – она там, где должна быть, вот и весь тебе рассказ.

– Понятно. Так зачем тебе моя машина?

– Ах да, не уверен, что ты захочешь это услышать.

– Ошибаешься, я весь внимание!

– Ну как знаешь, – нахмурился Соколов. – Эта машина из особого гаража СБГ, и, как я уже говорил, стоит бешеных денег. Разумеется, службе безопасности всегда известно ее местонахождение и то, что творится внутри.

– Ты меня прослушиваешь? – искренне обиделся Самсонов, хотя прекрасно знал обо всем этом.

– Не глупи, Платон, ты прекрасно знаешь, что я тебе доверяю, иначе не говорил бы этого. Наблюдение за машиной уже спасло жизнь тебе и твоему другу, так что все, прежде всего ради твоей же безопасности, а не дешевого пошлого компромата. Твой «Мустанг», если пошло на то дело, тоже под круглосуточным наблюдением находится в целях твоей безопасности, ведь ты до сих пор не взял себе ребят в сопровождение!

– Хорошо, извини. Ты тоже ходишь без охраны. Так зачем же отгонять машину?

– Дело в том, что система дала сбой, – видит Бог, как тяжело дались эти слова Соколову, хоть он и пропустил мимо ушей колкость Самсонова, – и в систему нашей прослушки вклинился посторонний. Проще говоря, какая-то тварь взломала нашу систему безопасности. Ух я бы ее.

Деревянная спинка стула слабо хрустнула в руках Соколова.

– Ее? Эта женщина?

– Да бес его знает! – отмахнулся Александр. – Кто бы ни был, хоть инопланетянин, сожру с потрохами! Но машина мне нужна, как я говорил, для полной диагностики. Может и на ней какие вражеские примочки стоят.

– И долго все это будет? Диагностика?

– Неделью, может меньше. А до этого я отряжу тебе одного весьма полезного человека, будет следовать за тобой попятам, поживет пока у тебя в доме, постелешь кушетку в зале, не пообедаешь.

– Что такое? Почему? Выкладывай, что происходит?

– Недавнюю заварушку с ворами помнишь?

– Конечно, есть подозрения?

– Да нет, – нахмурился Соколов, – тупость сморозил, эти обезьяны в жизни не взломали бы наших кодов. Я не уверен на самом деле, что тебе что-то угрожает, просто перестраховываюсь, мне так спокойнее. А ты не вздумай корчить из себя гордеца и ставить мне палки в колеса! – пригрозил он, сверкнув глазами.

– И не подумаю, – тихо ответил Платон, уже морально рухнувший в бездонный колодец отчаяния, находившийся прямо в середине его души. Новость о том, что целую неделю он будет находиться без Насти оказалась столь невероятной, словно до вчерашнего дня он и не жил без нее вовсе.

– Кстати, мой человек уже отогнал машину в гараж, а твой мустанг пригнали на парковку, лови ключи.

Соколов изобразил бросок, но, к счастью, не бросил ключи – Платон настолько оцепенел и не мог шелохнуться, словно вот-вот с ним должна была приключиться падучая болезнь.

– Да что с тобой сегодня твориться-то? – рассердился он не на шутку. – Что стряслось? Неужто нет проблемы, которой я не смог бы решить? Ах да, прости, забыл, дела сердечные, это не по моей части.

Александр вновь попытался поддержать Платона дружеским хлопком по спине, но в последний миг передумал и остановил руку в воздухе.

– Сокол! Сокол! Пятьсот пятый! Срочное сообщение!

Внезапный голос пронзил застывшую тишину комнаты, и Александр пулей метнулся к экрану, нахлобучив наушники. Платон лишь перевел взгляд в ту сторону, но не мог расслышать остальные слова. Да и если бы мог, то все равно не осознал бы, поскольку с каждой минутой он все больше понимал, что сходит с ума.

«Ее увезли! Она подумала, что я ее предал! Бог ты мой, что же мне делать?! Что они там будут делать с ней?! Что же делать мне?!»

Очень много подобных мыслей кружило в голове. Перед глазами все так и плыло, и Платон неохотно опустил на кресло, обхватив голову руками. Минута, две, три, реальность возвращалась, прежние краски наполнили мир, и вот уже сияющее лицо Соколова маячит перед глазами, машет руками, губы складываются то в грозный пучок, то сияют торжественной, но зловещей улыбкой. «Попались сопляки!» – долетало до Самсонова наряду с целым роем матерщины, но смысла он так и не разобрал. Однако голова все больше приходила в себя. Неуверенно поднявшись, он осторожно потрогал себя за голову и огляделся. Соколов уже опять сидел в своем необъемном кресле, раздавая команды направо и налево. Платон попытался незаметно выскочить за дверь, но был остановлен у самого порога.

– Куда направился, больной? – Александр уже стоял позади, хотя секунду назад еще сидел в кресле.

– Я, мне не хорошо, похоже, приболел, голова кружиться. Поеду, наверное, домой.

– А, давай-давай, это дело. Забеги сначала к Семенычу, он тебя осмотрит, поможет, чем сможет.

– Обязательно! Будь здоров!

– И тебе того же! А за машину не беспокойся, после осмотра получишь как новенькую! Кстати, за дверью тебя ждет твой новый друг, и не мешай ему в работе.

Платон кивнул и пообещал всячески содействовать новому телохранителю.

В прихожей Соколова его встретил одетый в черный костюм мужчина худощавого телосложения, с живыми, ясными как кристальная вода глазами, короткой стрижкой и загорелым лицом. Ростом он был чуть ниже Платона, стоял с невероятной выправкой, словно был первоклассным рыбацким поплавком, смотрел уверенно, говорил ровно и четко, да и вообще производил впечатление человека, у которого каждый поворот головы, каждый вздох, взгляд, прожитая секунда находились под жесточайшим контролем безупречно развитого внутреннего аппарата. От одного того, что такой человек находился рядом, Платон почувствовал безопасность и покой, даже на сердце немного полегчало, словно он мог излить незнакомцу все свои горести и тревоги. Телохранитель представился Юрой, просто Юрой, и проследовал вслед за Самсоновым, плавно ступая на почетном расстоянии.

Решив не откладывать своей поездки к Макарову, Платон направился прямо на парковку, где уже стоял вымытый до блеска белоснежный «Форд Мустанг». Юра предложил свои услуги водителя, и Платон не отказался, назвав лишь адрес.

Офис Макарова находился в переулках, и незнающему водителю можно было заплутать в маленьких арбатских улочках, но Платону почему-то показалось, что его спутник знает карту Москвы не хуже Яндекс, а может, даже и лучше. Он не ошибся. За дорогу оба не проронили ни слова. Платон боролся с гнетущими мыслями, а Юра тактично не вмешивался в эту внутреннюю борьбу.

Сергей Макаров вот уже битый час упирался рогами в непробиваемого гостя, хотя тот на вид производил впечатление совсем нетвердого и даже боязливого человека, лицо которого почему-то показалось Платону знакомым.

– Иосиф Петрович, ну сколько раз говорить, что я не занимаюсь благотворительностью, – стоял на своей Макаров, и его лицо, просиявшее на миг при виде Платона, снова окуталось тенью.

– О какой благотворительности идет речь? – наивно отвечал посетитель с характерным национальным акцентом, – я лишь стараюсь найти помощи у друга Феликса Семеновича, который направил меня к вам, сердечно заверив, что здесь я найду самый лучший прием.

– А разве не такой прием вы здесь застали? – опешил Макаров, окинув взглядом выкуренные гостем кубинские сигары и остаток дорогого коньяка, колыхавшегося в бокале.

– Ни в коем случае не хочу показаться неблагодарным, – ответил Иосиф Петрович с таким видом, словно был священником и только что выслушал обвинение в распутстве. – Ваш прием оказал мне такую честь, о которой я и мечтать не смел, но ведь в главном мы никак не можем найти общий язык.

– Конечно не можем, ведь вы хотите получить квалифицированную помощь и не хотите за нее платить?

– Но ведь это же дорого? – его железная логика так сильно отражалась в словах, что Макаров в бессилии взглянул на Платона, которого тоже заинтересовал этот спор. Казалось, что даже Юрий с любопытством ожидает, чем все это закончиться.

– Когда я приехал в Москву в начале девяностых, у меня было денег лишь на один обед в столовой и платный туалет, – сказал Иосиф Петрович, и по глазам Макарова Платон понял, что эта история звучала в этих стенах как минимум трижды. – Несколько лет мне приходилось ужимать себя во всем, что только возможно, и жизнь сама приучила меня к экономии, так уж сложилось, ничего не поделать, но друзья всегда помогали мне как только могли, – Платон, как и Макаров, и даже Юра с сомнением переглянулись, но гость этого не заметил, продолжая смотреть в окно, словно находился на сцене большого театра и не замечал зрителей. – И вот сейчас, когда ситуация изменилась и судьба наконец-то смиростивилась над моей скромной особой, я навсегда понял, что был и останусь все тем же бедным (Макаров хотел добавить жмотом, но тактично промолчал), но всегда отзывчивым для друзей человеком. А как говорил Иисус – относиться к людям так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе.

И Иосиф Петрович посмотрел на Макарова таким взглядом, словно увидел в его лице настоящее провидение.

Сергей отвернулся, прошел до стойки небольшого бара, налил себе виски, быстро выпил.

– Я же говорю, что хотел бы получить помощь бесплатно, – продолжил гость, снова уставившись в окно, – просто я хотел бы заплатить немного меньше.

– Ага, раз в пять, – буркнул Сергей в сторону и обернулся к гостю. – Хорошо, я помогу вам, Иосиф Владимирович, сегодня с вами свяжется мой агент, Рябков Максим, и вы договоритесь о встрече. Оговоренную сумму отдадите ему.

– Ну разумеется, как скажете! – просиял гость, быстро вскочил и энергично стал пожимать руки не только Макарову, но и Платону с Юрой. – Благословит вас Господь, друзья мои! Пусть мир и доброта прибудет в ваших семьях, и гармония в душе!

И понимая, что задерживаться далее нет смысла, скрылся за дверью.

– Ты отдал своего лучшего агента этому семиту, почему? – спросил Платон, после того, как они с Макаровым сердечно обнялись. – Кстати, это Юра, мой телохранитель.

– Очень приятно. А ты растешь, уже и не скажешь, мол, какие люди и без охраны. А по поводу этого, я просто устал, слишком тяжелый выдался денек, да и ты вот, приехал, так бы и не поговорили бы вовсе. Сам выдел, присосался как пиявка.

– Да уж, крепкая хватка. Как сам? Как дома дела?

– Все хорошо, спасибо. Жenuшка к родителям погостить уехала, соскучилась очень, так что одичал совсем за неделю-то. В пятницу Быстров обещал заскочить, освободил все выходные, так что будем пить, отдыхать, и добро вспоминать. Кстати, я не успел тебе еще позвонить по этому поводу. Ты как, подскочишь? Найдешь малюсенькое окошечко в графике? Можешь и Юру с собой прихватить.

Телохранитель улыбнулся, выразив кивком головы, что он весьма не прочь. Вообще Юра не походил на стандартный стереотип телохранителя, который почему-то сложился у Платона в голове. В нем не было той серьезности, замкнутости, каменного выражения лица. Напротив, он был весьма открыт, порою даже весел, и, казалось, беззаботен, словно это его охраняют, а не наоборот. Понимая, что Соколов не стал бы доверять его жизнь дилетанту, Платон расслабился и не думал о своих опасениях больше. Но он даже в самых смелых фантазиях и предположить не мог, насколько Юра контролирует ситуацию, насколько видит окружающую обстановку, сканируя ее не хуже своих электронных аналогов.

– В пятницу, говоришь? А что, я, думаю, смогу подскочить. Точнее – мы подскочим.

– Ну вот и ладушки! – просиял Сергей. – Как в старые добрые времена! Кстати, пока не забыл. Мне вчера отец звонил, спрашивал, в городе ли ты. Как я понял, он пытался тебе дозвониться, но безуспешно.

– Seriously? А что случилось? – удивился Платон.

– Наверное, ничего особенного, он был весьма спокоен. Я даже и забыл тебе набрать сегодня, тяжелый день, совсем из головы вылетело. А тут ты и сам пришел.

– Хорошо, я обязательно наберу его сегодня, только позже, хорошо? Будешь говорить с ним, так и передай.

– Договорились!

Они поболтали еще с полчаса о весьма посредственных и неважных вещах, но которые так улаждают в беседе души близких людей. От выпивки Платон отказался, Юре никто и не предлагал, зато Макаров не ограничивал себя в плотских удовольствиях, ссылаясь на то, что сегодня рабочий день окончен и вскоре он поедет домой отсыпаться. Платону удалось ненадолго отвлечься, но время шло, и вот уже пришлось прощаться, так как впереди его еще ожидала встреча с Мельниковым, собрание по проекту, а что потом он уже и не помнил, но уж точно не покой.

– Давай родной, не скучай! – сжимал его в дружеских объятиях Макаров. – Ждем тебя в пятницу, надеюсь, ничего не изменится!

Платон и сам бы хотел, чтобы ничего не изменилось, и он не сошел с ума до пятницы.

Сергей Васильевич Мельников, заместитель министра строительства Московской области приехал на полчаса раньше, и терпеливо ожидал в приемной Самсонова. Узнав об этом, Смольная не замедлила дозвониться до Платона, который постарался вернуться как можно скорее.

– Извините за ожидание, – кинул он Мельникову, наспех здороваясь, и пригласил гостя к себе в кабинет.

– Ничего-ничего, – вежливо ответил Сергей Васильевич, – я не хотел ставить вас в неловкое положение, просто удалось пораньше вырваться.

– Хорошо, давайте перейдем сразу к делу, – сказал Платон, когда оба удобно расположились на своих местах. – Чем могу быть полезен? Мне толком не успели передать суть дела, поэтому не обижайтесь на мою неосведомленность.

– Что вы, что вы, как можно, это я должен просить у вас прощения за внезапное вторжение, – расплылся Мельников в фальшивой улыбке.

Вообще он сразу не понравился Платону, по первому взгляду, но еще до того, как сказал первое слово. После этого он не понравился Платону еще больше. Невысокого роста, весьма лощеный, с прилизанными волосами рыжего цвета, глубоко посаженными глазками, хитро смотрящими на мир из своих узких щелей, жирными губами, складывающимися в улыбку при каждом удобном случае, при этом опытный наблюдатель мог разглядеть в этой улыбке изрядную дозу яда, который слышался и в голосе Мельникова, особенно когда тот старался казаться любезным, с небольшим брюшком, жестко подпоясанным брючным ремнем, заместитель министра строительства московской области не вызывал у Платона особого доверия, и если быть до конца правдивым, то он вообще никакого доверия не вызывал.

«Не зря такая змея работает с Красовским. Два сапога пара», – пронеслось в голове, но ничего не поделаешь, надо было иметь с таким дело и довести его до конца.

– Все хорошо. Так чем могу вам помочь? – как можно нейтральнее, сказал Платон.

– Как вы понимаете, речь пойдет о деньгах, – мигом преобразился Мельников, стерев свою улыбку так искусно, что и следов от нее не осталось. Видимо, слово деньги вызывали у него животный интерес, подавляя все прочие инстинкты. – Первоначальная доля средств, которая должна была пройти через министерство строительства области, подверглась пересмотру, поскольку часть расходов мы уже покрыли цементом, кирпичами, техникой и рабочей силой.

Когда он говорил о рабочей силе, то был похож на знатного помещика, рассуждающего о своих душах.

– Так вот, повторюсь, в связи с этим денежная сумма участия министерства уменьшилась на двести пятьдесят шесть миллионов восемьсот тысяч триста рублей, если быть точным. У меня на руках контракт, уже подписанный с нашей стороны, разумеется, прошедший все согласования (Эммануил Феликсович в курсе), но не получивший окончательной подписи со стороны корпорации «Голиаф». Вы спросите, почему мы не подождем Красовского лично, обращаясь к вам, как к равноправному члену совета директоров корпорации, который имеет тот же вес подписи.

Кивком головы Платон подтвердил, что именно об этом хотел спросить Мельникова.

– Видите ли, – продолжал чиновник, – Эммануил Феликсович вернется лишь через две недели, а денежная разница, которую я вам озвучил, зависла в банке, хотя министерство планировало ее переправить уже на другие нужды государства.

Услышав о нуждах государства, Платон усмехнулся. Мельников сделал вид, что этого не заметил, иначе не преминул бы бросить укоризненный взгляд на Самсонова.

– Как деловой, человек, вы должны понимать, что за две недели можно успеть сделать многое, поэтому мы и обращаемся к многоуважаемой корпорации «Голиаф» за помощью в этом вопросе.

Платон задумчиво посмотрел в окно, заставляя голову разогнать непроглядный туман мыслей, поскольку вопрос перед ним стоял не шуточный.

– Можно ли мне взглянуть на контракт?

– Разумеется, – быстро вскочил Мельников, достал из дипломата, обшитой крокодиловой кожей, драгоценный документ, держа в руках, словно новорожденного младенца, причем которого выносил лично, и передал его Самсонову.

Минут пятнадцать Платон потратил на то, чтобы тщательно просмотреть все пункты договора, хотя строки и расплывались в глазах. Мельников не отвлекал, даже не шелохнулся, он вообще затаил дыхание, будто ожидал благословения небес, но в его глазах можно было прочесть дикое нетерпение.

Дойдя до последней строчки, Платон попросил извинить его и вышел из кабинета, направившись к юристам. Если бы он мог все ясно видеть и соображать, то обратил внимание на редкий образец выражения глаз, отобразившийся на лице Мельникова, когда тот наблюдал передвижение договора из кабинета во внешний мир. Он словно и не видел рук Самсонова, словно договор отрастил ноги и пустился в самостоятельное путешествие. По крайней мере, будь это на самом деле так, чиновник не изменил бы взгляда, полного одержимости и восхищения. Но поскольку Платон был слегка не в себе, ничего подобного он не заметил.

Минут тридцать ушло на то, чтобы юристы сверили запятую с запятой предоставленного договора с тем, который согласовали еще при Красовском. Мельников давно уже хотел в туалет, но в ожидании чуда не мог двинуться с места, рискуя описать дорогое кресло.

Минут сорок потратил отдел контроля, решая свои вопросы, связанные с контрактом. Платону вновь пришлось перенести собрание по проекту на следующий день, поскольку возникшая личность Мельникова рушила все планы.

Все время, пока специалисты выполняли свою работу, он попеременно, весьма непринужденно болтал с сотрудницами, которые некогда делали намеки на возможную близость. Платон понимал, что своей легкомысленностью рискует запудрить голову девушкам, но иначе не мог, поскольку легкий флирт отвлекал мысли, которые и без того бродили в голове как тумане. Больше всего он боялся того момента, когда туман сойдет, и под ним окажется реальность такой чудовищной силы, что сведет его с ума.

Когда наконец все вопросы по контракту были решены и согласованы, Платон позвонил Меленкову.

– Анатолий Петрович?

– Да, мой мальчик, – его голос, весьма подавленный и уставший, показался Платону совсем чужим.

– Хотел посоветоваться с вами по поводу нового госконтракта по «Новому Свету». Вы, наверное, слышали?

– Двести пятьдесят с чем-то миллионов?

– Совершенно верно, – не удивился Платон осведомленности Меленкова, который, казалось, знал все и все контролировал.

– Все нормально, можешь пропустить. Эта змея еще у тебя?

– Мельников? – вновь не удивился Платон проницательности Голиафа. – Да, ждет в моем кабинете.

– Отдай ему бумагу и пусть ползет в свое логово. Еще что-нибудь?

– Нет, пока все.

– Ну давай, будь здоров, – и он отключил трубку.

Минут через десять Платон вручал заместителю министра подписанный контракт, отчего увидел на лице чиновника такое облегчение, словно того только что избавили от смертной казни.

– Я вам безмерно благодарен за помощь, Платон Сергеевич, – расплывался тот в меняющихся ядовитых улыбках, пока договор вновь не исчез в недрах крокодилового дипломата.

– Вы ничего не забыли? – спросил Платон, когда гость уже собрался уползать.

Мельников почему-то сразу подумал про деньги, и на его лице отобразился полускрытый ужас. «Сколько ж ему дать, чтобы не обидеть?».

– Наш экземпляр контракта, – вывел из затруднительной ситуации чиновника Платон.

– Ах, я, старый, старый стал, – чуть ли не запрыгал Мельников, вновь обращаясь к своему дипломату. – Простите великодушно, волнуюсь. Вот, будьте добры, это вам.

Платон быстро пробежался по второму экземпляру, удостоверяясь, что он идентичен первому, потом встал, чтобы проводить Мельникова. Уже в дверях чиновник вдруг остановился.

– Платон Сергеевич, извините еще раз. Ведь это не единственный вопрос, в котором я хотел попросить вашего совета.

«Совета?» – ухмыльнулся про себя Платон, и отчего-то даже повеселел.

– Да. Мы можем еще присесть ненадолго?

«Да уж, судя по выражению твоего лица, тебе давно уже не мешает присесть ненадолго».

– Да-да, конечно, говорите.

– Как вы знаете, завезенные деревья, которыми собирались озеленить первую очередь постройки «Нового Света» оказались с отравленными корнями, поэтому почва не приняла их.

– Ничего об этом не слышал, – признался Платон.

– Хорошо, но это имело место быть, можете уточнить у Красовского.

– Я вам верю.

– Благодарю, – еще одна ядовитая улыбка. – В связи с этим, месяц назад из Воронежа пригнали десять грузовиков, наполненных химическим раствором, названия которого я, признаться честно, постоянно забываю. Но могу позвонить и уточнить.

– Не стоит, я тоже не запомню.

– Хорошо. Суть этого раствора в том, что он может оживить отравленные корни деревьев, но внезапно возникшая проблема мешает нам этим воспользоваться.

– А что случилось?

– Видите ли, две недели грузовикам пришлось простоять на подмосковном складе в Химках, принадлежащем министерству сельского хозяйства. А теперь их просто не выпускают оттуда.

– Не понимаю, чем я-то могу помочь? – удивился Платон.

– Видите ли, камнем преткновения явился директор департамента животноводства и племенного дела, небезызвестный вам Михаил Олегович Макаров.

«Интересно, откуда тебе это известно?» – Платон ощутил неприятное предчувствие.

– Так вот, Макаров своим распоряжением приказал не выпускать грузовики. Поскольку его решение явилось для нас полным сюрпризом, признаться честно, оно не имело под собой никаких оснований, мы уже хотели принять соответствующие меры, пожаловавшись на него министру сельского хозяйства, пока не узнали про вас.

И опять Платон метнул в него полный недоверия взгляд.

– Поймите, нам бы не хотелось портить его послужной список. Михаил Олегович весьма уважаемый человек, и пользуется поддержкой премьер-министра, поэтому нам, разумеется, хотелось бы поскорее разобраться в сложившейся ситуации безо всяких последствий.

– Вы утверждаете, что неизвестен мотив его поведения?

– Абсолютно! – всплеснул руками Мельников.

– Хорошо, я поговорю с ним и постараюсь все разузнать. Мне тоже не хотелось бы, чтобы у Макарова начались неприятности. И особо прошу вас, если узнаете о чем-то подобном в дальнейшем, сообщите мне.

– Разумеется! Премного благодарен вам, Платон Сергеевич, да вы просто мой спаситель сегодня! – принялся пожимать ему руку чиновник, расплылся в очередной фальшивой улыбке, самой широкой из тех, что показывались раньше, и уполз прочь из кабинета.

Платон тяжело задумался, вспоминая недавний разговор:

«Мне звонил отец, хотел тебя слышать, но не мог дозвониться.

Что-нибудь срочное?

Да вроде нет, он был весьма спокоен».

Непонятная тревога в душе усиливалась, сливаясь воедино с остальными страхами. Поняв, что собственными думами он не до чего не дойдет, Платон решился и позвонил Макарову, услышав в трубке знакомый голос дорогого человека, между прочим, ожидавшего его звонка. Решив ничего не обсуждать по телефону, они договорились о встрече, и Платон незамедлительно покинул Сити.

Всю дорогу он слушал музыкальный плеер, одолженный у Смольной на полную громкость. Нельзя было думать! Нельзя! Нельзя!

Юра спокойно вел машину, не обращая на подопечного никакого внимания.

Глава 2

Михаил Олегович Макаров, отпраздновавший недавно свое шестидесятипятилетие, еще неделю назад чувствовал себя превосходно и бодро, и все мысли его были сосредоточены на двух масштабных проектах, которые он осуществлял в рамках своей работы в Министерстве сельского хозяйства, являясь директором департамента животноводства и племенного дела. Ему не раз предлагали должность заместителя министра, получив которую он, тем самым, значительно расширил бы свои полномочия и область работы. Но Михаил Олегович, весьма стрелянный волк, потрепанный жизнью, уже понимал, что наиболее полезным он может быть лишь в узконаправленной сфере, ведь время идет, оно необратимо, и рано или поздно нам приходится признаваться себе в том, что что-то уже утеряно навсегда и безвозвратно, и что былой прыти и энергии уже не обретешь никогда. Это, однако, не означало, что Макаров-старший сильно ощущал приближение старости, к которому его отчаянно склонял паспортный возраст, отнюдь, он был, как говорится, живее всех живых, и старался как можно чаще находиться в добром расположении духа, узрев в этом маленьком и малозаметном для большинства людей факте залог здоровья и успеха. Он прекрасно понимал, что при желании еще вполне смог бы потянуть работу и в больших масштабах, но по некоторым причинам не хотел этого. Во-первых, Михаил Олегович не хотел искушать судьбу постоянными попытками подорвать собственное здоровье работой, которой в должности заместителя министра прибавилось бы в разы. Во-вторых, он прекрасно понимал, что его видение развития сельского хозяйства по стране совсем не совпадает с видением большинства коллег, которые прилагали все усилия, дабы поставить страну в зависимость от импортной продукции, и проломить этот щит промышленного геноцида в одиночку он уже не сможет. Остальные причины были не столь значительными, но также препятствовали его окончательному решению отказаться от работы зама. На улице дул ветер и моросил небольшой дождик, размывая недельную пыль, осевшую в столице от бесконечных потоков машин и людей. Макаров-старший неподвижно лежал на небольшом кожаном диване в углу своего кабинета и не открывал глаза. Со стороны могло показаться, что человек просто отдыхает, стараясь сбросить с себя часть той ноши проблем, которые нередко заставляют нас забывать о самом главном в этой жизни. Но Михаил Олегович отнюдь не отдыхал, а напряженно работал, заставляя свой мозг найти выход из сложившейся ситуации. Он давно привык контролировать все, что происходит в голове, и оперативно освобождался от мусора, если тот просачивался путем чужеродных идей, услышанных на улице слов или песен, и даже собственных мыслей, если те рождались в наиболее подавленные моменты жизни. Такие упражнения, выработанные годами упорных тренировок, не замедлили сказаться на ясности разума и четкой работы мысли. Его мозг давно привык выполнять несколько задач одновременно и автономно друг от друга. И сейчас Михаил Олегович тоже размышлял в разных направлениях, но, к сожалению, пока не находил нужного решения. Когда такое происходило, он просто старался остановить полностью все мысли и, как говорится, потушить в помещении (голове) свет, что не замедлил сделать и сейчас. Почувствовал тишину, он открыл глаза, попав взглядом прямоком в висящую на стене картину, которая изображала небольшой деревянный домик на фоне леса и протекающей речки. Это был его дом, в котором он родился и провел первые годы своей жизни. Ностальгия неожиданно поглотила душу и перекинулась на мысли. Макаров-старший был не против. Он погрузился в воспоминания детства и старался вспомнить, что переживал и ощущал тогда, о чем мечтал, к чему стремился, и на душе прошла волна нежной теплоты и грусти одновременно. Он вспоминал места, где любил гулять с дворовыми товарищами, вспоминал родителей, старшего брата, которому, к сожалению, так и не успел высказать все то, что накопилось на душе. Картины, как слайды проносились перед глазами, затмевая на миг все прочие мысли. Окунувшись в эти воспоминания, более всего Михаил Оле-

гович хотел уловить прежний след его детской, непорочной души, на которую годы потрясенный наложили несмыаемый оттенок, можно сказать, искалечили в какой-то степени. Он прекрасно понимал, как сильно изменился, что, в принципе, для любого человека закономерно всегда, ведь годы и события давят по своему, хотя разные души и воспринимают их по-разному. Но, тем не менее, он был еще уверен, что под тяжестью его настоящей сущности еще не раздавлена окончательно прежняя, чистая душа, и именно сейчас Макаров-старший вдруг решил во что бы то не стало до нее добраться, вытащить и спасти от убийственной тесноты. Когда в мужчине умирает ребенок, он перестает быть мужчиной, ведь истинная мужская сила не может быть выстроена лишь монолитом мужества и железным характером, нет, в ней всегда скрывается нежность, пронесенная через всю жизнь с самого детства, в противном случае мы никогда не сможем полюбить наших детей так, как незабвенно любили когда-то родителей, а также сохранить любовь к своим старикам, которые в старости нуждаются в ней не меньше, чем дети. И все это ни в коем случае не делает настоящего мужчину слюняем или тряпкой, наоборот, закрепит в нем великую силу единства противоположностей. Михаил Олегович, проведя небольшой внутренний самоанализ, с удовлетворением заметил, что необходимый элемент ребенка в нем все же сохранился, и тут же пожелал видеть сына, дабы просто обнять непутевое дитя и прижать к груди. Дети, наше бессмертие, они несут часть самих нас, продолжая жить, словно перехватывают сумасшедшую эстафету жизни, поэтому самым глупым во всей мирской суете является то, что кто-то решает отказаться от своих детей из-за глупых принципов, непониманий, разных мировоззрений и прочего. Разумеется, в жизни все бывает, и даже самым любящим родителям, идущим на компромисс, далеко не всегда удастся сохранить теплоту отношений с детьми, а те, прельщенные, как мотыльки на свет летят к новомодным, меняющимся с поразительной очередностью жизненным приоритетам, считая, что папан и маман уже древние, и ничего не могут смыслить в настоящей жизни. Так было всегда, об этих проблемах еще Тургенев писал, хотя появились они задолго до него. Проблема здесь еще и в самих детях, в их неискоренимом желании поскорее повзрослеть и сбросить с себя узы родительского дома. Но желая ускорить какой-либо процесс, мы, вмешиваясь в логику матери Природы, незаметно для себя убиваем в сердцах самое святое, что может нести в себе детство, и начинаем смотреть на мир глазами безразличных скептиков. В результате этого меняется и отношение к родителям, а позже и к своим собственным детям. Но это одна сторона медали, которую при желании можно преодолеть. Но что же делать с женщинами, идущими на аборт? Соображают ли они, что убивают часть самих себя, и что сделанного уже никогда не вернуть? Смогут ли спустя долгие годы оправдаться перед собой, кивая на материальные сложности, друга психопата, ненавистного отчима и миллионы других причин? Возможно, перед собой и смогут. Но перед Богом никогда. Тут-то Макаров-старший и решил себя немного одернуть, потому что рисковал из одной рабочей крайности впасть в другую, философскую. Поразмыслили и хватит. Телефон сына оказался недоступен. Скорее всего, сидит в офисе, где толстые стены старого здания не всегда пропускают сигнал мобильного оператора. Можно было набрать рабочий, но Михаил Олегович решил подождать. Все-таки главной причиной его размышлений были не воспоминания, а весьма опасная информация, которой Макаров-старший пока толком не знал, как распорядиться. Эта информация заставила его принять решение и закрыть доступ в десяти злополучным грузовикам, пунктом направления которых был амбициозный проект «Новый Свет». «Хорошо хоть Платон вышел на связь и обещал приехать. Надеюсь, он поможет во всем разобраться», – подумал Михаил Олегович.

Так он и просидел в задумчивости до самого приезда Самсонова, которого встретил с радостью, по-отечески обнял, и проводил к себе в кабинет.

Юра остался ждать в приемной по просьбе Платона, который предчувствовал, что впереди ничего хорошего не услышит.

– Сергей сказал тебе, что я искал? – начал Михаил Олегович.

– Да, но позвонил я не после него, а после того, как небезызвестный вам Мельников попросил помощи в разрешении сложившейся проблемы.

Михаил Олегович заметно осунулся, опустил взор, тяжело вздохнул.

– Так вот какова причина твоего приезда. Не ожидал. А я все думал, кого же они пришлют, но никогда бы не подумал увидеть тебя.

– Я ничего не понимаю, – неприятно удивился Платон, заметив перемену Макарова-старшего, – кто такие они? Чего вы не ожидали? В чем меня подозреваете?

– Что происходит, Платон, расскажи мне правду.

– Нет, это я вас хотел спросить, что, черт возьми, происходит, и почему вы так странно говорите! – Платон чувствовал, как страх, непонятно почему, приближался к его горлу все ближе и ближе.

Макаров-старший перестал смотреть на него, опустил голову и закрыл лицо руками, словно хотел скрыть следы своих волнений.

Платон в ужасе наблюдал эту сцену, боясь заговорить дальше.

Несколько минут оба молчали, пока, наконец, Михаил Олегович не выдержал.

– Хорошо, давай начистоту. Зачем ты приехал? Что сообщили тебе?

– Ну, во-первых, еще днем Сергей говорил мне, что вы меня искали. А потом, уже у себя на работе мне пришлось общаться с заместителем строительства области Мельниковым, который под конец сообщил о возникшей проблеме, причиной которой якобы явились вы. Какие-то грузовики с химической хренотой, способной оживить гниющие корни деревьев, что-то в этом роде, даже не припомню. Говорит, заперли вы эти грузовики где-то на подмосковном складе, бесосновательно удерживаете и не хотите отпускать.

Макаров-старший долго и пристально смотрел Платону в глаза, пытаясь уловить фальшивую нить, но так ничего и не обнаружил, кроме непонятного ужаса, и немного успокоился. Потом придвинулся к нему как можно ближе, почти касаясь кончиком носа его уха, и шепотом заговорил.

– Ты что, думаешь, я стал бы удерживать бесполезные грузовики с какой-то химической хренью?

– Не знаю, я вообще ничего не понимаю, – по инерции шепотом отвечал Платон.

– Дорогой мой, я знаю тебя достаточно давно, чтобы делать какие-то выводы. Ты хороший человек, но затянутый на неверную дорогу, которая ни к чему хорошему не приведет.

Если бы Михаил Олегович знал тогда, насколько большой отклик получили в душе Платона эти слова, то сильно удивился бы. Разумеется, каждый думал о своем, но конечные нити приводили к одинаковому смыслу.

– Имеешь ли ты хоть примерное представление, что хранят эти проклятые грузовики? – продолжал Макаров-старший, не отнимая своей головы.

– Только примерно и представляю, я же говорил.

– А что, если я скажу тебе, что все это чуть собачья, и никаких полезных для природы растворов там нет? Что, если я скажу тебе, что эти проклятые грузовики доверху заполнены цистернами с уксусным ангидридом?!

Последние слова – произнесенные особенно тихо, хотя и с большей дозой кипевшей ярости – вонзились в сознание Самсонова острыми гвоздями, усилив и без того запущенную катастрофу в его голове.

– Ты знаешь Платон, для чего используется уксусный ангидрид? – безжалостно наступал Михаил Олегович.

– Знаю, – вместо голоса рот выпустил лишь пустой воздух, словно в немом кино.

– Так и скажи ты мне, какого черта здесь происходит?!

Платон смотрел на Макарова-старшего глазами кролика, наполовину уже поглощенного удавом, и не мог произнести ни звука.

Михаил Олегович оценил произведенное впечатление от своих слов, ослабил хватку, поднялся и сходил за стаканом воды, которую Платон выпил в несколько жадных глотков.

К нему вернулся голос.

– Эти машины предназначены для «Нового Света», по крайней мере, так мне сказали.

– Совершенно верно, – кивнул Макаров-старший. – У меня та же информация.

– Зачем нашему проекту такое количество этого проклятого вещества, ума не приложу! Уж не используют ли его в строительных целях, иди других, близких к нему?

– Нет, не используют. Я уже наводил справки. Его, конечно, используют в промышленных целях для создания ацетилцеллюлозы, но очень сомневаюсь, что она сейчас необходима в строительных целях!

– Тогда я отказываюсь это понимать! – развел руками Платон, хотя в голове уже зрела безумная догадка.

– Признаться честно, ты меня сильно озадачил, Платон, – сказал Макаров-старший, у которого эта безумная догадка созрела уже давно. – Я прекрасно знал, что не смогу удержать этот дьявольский груз, понимал, что, возможно, рискую собственной жизнью, но не мог иначе. Я был уверен, что обязан узнать, кто надавит, откуда пойдет след, чтобы попытаться затем отследить его. Я уже слишком стар, и не могу просто так наблюдать, когда вокруг происходит подобное. Возможно, когда тебе будет столько же лет, ты поймешь меня лучше.

Платон и так понимал Михаила Олеговича достаточно хорошо, но не стал его переубеждать. Слишком многое на него свалилось за последние двадцать четыре часа, и похоже, это был еще не конец. Как назло та, кто хоть как то могла помочь поддержкой и советами, находилась сейчас далеко и проходила полную диагностику.

«Наверняка она решила, что я ее предал».

Подобные и многие другие мысли хаотично менялись в голове, перескакивая одна на другую. Платону казалось, что его мозг от постоянной усталости и тревог разбух уже до такой степени, что рисковал дать трещину, как кипяченое яйцо.

Если бы он мог хоть чем-то помочь Михаилу Олеговичу сейчас, дать хотя бы маленький совет, он бы, несомненно, это сделал. Но беда в том, что обнаружившаяся проблема напрочь выбила его из колеи, хотя она всего лишь добавилась к прежним, не менее серьезным проблемам. Видимо, это была последняя капля.

Макаров-старший тоже думал и молчал, но даже не догадывался о том, что творится сейчас у Платона в голове. Он заказал два крепких кофе, и, после того, как их принесли, нервно закурил и медленно стал потягивать свою порцию. Платон лишь кинул взгляд на кофе и снова уставился в неопределенную точку на стене.

Сколько прошло времени такого молчания, от которого даже мысли в голове, казалось, начали скрипеть, Платон затруднялся ответить, и что побудило его подать знак Михаилу Олеговичу подойти поближе, тоже понял не сразу. Внутри все так и сжалось в комок от стрессов, тревог, неуверенности и страха. Его нещадно обжигало то, что он на самом деле знал, сердце несло со скоростью метеора, словно выходило на финишную линию его жизни, и даже время словно замедлило свои обороты так, что до момента, когда Макаров-старший подошел и наклонился к Платону, тот пережил еще одну жизнь.

– Мне кажется, я знаю, что происходит, – не своим голосом, стараясь, чтобы даже муха его не услышала, сказал Платон.

И рассказал Михаилу Олеговичу все то, что вот уже сутки успешно разрушало его жизнь. Разумеется, про Настю не было сказано не слова – вряд ли здоровый человек поверил бы в подобное – да этого и не требовалось. Еле успевая переводить дух, Платон старался как можно больше систематизировать последовательность адской информации. Сразу после первых слов, после которых Михаил Олегович напрягся как пружина, Платон устремил свой

взгляд ему в глаза, и до последнего предложения уже их не отрывал, словно глаза общались друг с другом автономно, не обращая внимания на словесные колебания воздуха.

После того, как Платон закончил, оба вспотели до такой степени, что можно было смело принимать душ. Михаил Олегович осторожно распрямился, отчего хрустнула спина, ведь до этого он боялся даже пошевелиться, и вернулся к своему столу, раскурив еще одну сигарету.

Платон еще толком не обдумал, зачем поделился столь опасным грузом своей души, но, безусловно, уже успел почувствовать некое облегчение. Опасаться за то, что Макаров-старший неверно распорядиться такой информацией, Платон и не думал. Он достаточно доверял этому человеку и по-своему любил. Но, тем не менее, сердце продолжало бить тревогу, и противоречивые мысли вновь перешли в наступление.

«Что я наделал? Зачем втянул старика во все это?»

И словно в подтверждение его мыслей, Михаил Олегович еле слышно простонал:

– Боже, за что мне все это.

Вот уже несколько минут он сидел, закрывши лицо руками, а когда их отнял, то, казалось, постарел еще на несколько лет. В глазах стояли едва заметные слезы.

– Михаил Олегович, – кинулся к нему Платон, мысленно желая себе сгореть заживо сию же минуту, – дорогой вы мой! Простите меня ради Бога! – и принялся сжимать старика в своих объятьях. Мало кто, увидев эту сцену, выдержал и не разрыдался бы как дитя.

– О чем ты говоришь? За что просишь прощения? – говорил Макаров-старший, машинально поглаживая Платона по голове. – Я уже старик, и свое отжил, но ты – другое дело! За что тебе это, мой дорогой мальчик? За что это всем нам?

Платон не нашелся что ответить. Казалось, он вообще потерял дар речи от горя.

– Горе! Горе тем, кто живет в эпоху великих перемен, особенно если те обещают быть столь бесчеловечными! – продолжал Михаил Олегович. – Я-то переживу, наверное, все, но вот мои дети... мои милые мальчики, младшему из которых недавно исполнилось пять, – он хотел было душевно всплакнуть, но вдруг переменился в лице и стал тверже камня, хотя и мрачнее тучи. Бог знает, чего стоила ему эта перемена. – Платон, мой мальчик, посмотри на меня внимательно. Ты стал обладателем столь взрывоопасной информации, что и представить нельзя. Теперь этот кошмар известен и мне. Чтобы не случилось, чего бы нам это не стоило, но мы должны костями теперь лечь, вспахать ногтями бетонные плиты, разгрызть зубами глотки врагов человечества, но хоть что-то изменить!

Столько праведной уверенности было в его голосе, что Платон ни на секунду не сомневался, что Макаров-старший готов приступить к выполнению своего страшного обета прямо сейчас. По-прежнему неспособный произнести хоть слово из-за стоявшего в горле огромного кома, он примирительно кивнул.

Михаил Олегович, видя, в каком шоке прибывает Самсонов, позвонил и заказал еще воды, кофе и булочек. Наевшись и напившись, Платон вновь обрел голос и капельку уверенности. Взгляд его вспыхнул едва заметным подобием огонька.

– Я не уверен, что мы можем что-то изменить, – прошептал он.

– А я почти уверен, что нам, черт возьми, ничего не удастся изменить вообще, но это не значит, что стоит опускать руки и давать жизни спокойно проходить мимо носа. Даже если то, что перед нами стоит, окажется просто стеной под высоким напряжением, я готов буду броситься на нее и сгореть заживо, лишь бы доставить врагам капельку неприятности и заставить понюхать жареного мяса.

Платону становилось легче от этих слов, и он даже замечал, что ярость и настрой Михаила Олеговича постепенно заражают его самого. Однако, он понимал это отчетливо, переменить внутренний настрой и зажечь хоть маленькую искру надежды на лучшее, не удалось бы при всем желании.

– Ты вообще думал, что будешь делать со всем этим? – спросил Макаров-старший, не давая Платону толком опомниться. Но он был прав, тянуть сейчас было смерти подобным.

– Не могу сказать ничего определенного, но конечно думал. У меня есть помощница, которая помогла узнать обо всем этом, и, если честно, я остро нуждаюсь в ее дальнейшем участии.

– Женщина? – нахмурился Михаил Олегович. – Ну что ж, пусть будет женщина. Много еще знает об этом?

– Боюсь, что больше никого, за исключением тех, кто это все затеял.

– Троица? Хм. Пусть будет троица.

– Михаил Олегович, дорогой, я, наверное, поеду, не могу больше ни о чем думать, не то сойду с ума. Пока я не дожусь необходимой весточки, боюсь, мы ничего не сможем сделать.

– Раз ты так считаешь, я соглашусь, – хмуро согласился Макаров-старший, которому такая перспектива нравилась меньше всего. – Но пообещай мне, что не посмеешь стараться оградить меня от этого впредь.

– Если б я мог, эх, боюсь, уже поздно, – вздохнул Платон. – Я думаю, дальше нет смысла удерживать эти проклятые грузовики, дабы не нажить лишних проблем.

– Ты прав, сегодня же их отпущу. Я узнал все, что хотел, и даже намного больше.

– Да, и еще, я не хотел бы, чтобы о грядущих событиях узнал кто-то еще.

– Ты явно сходишь с ума, думая, что я способен еще кого-нибудь втянуть во все это.

– Верно, мне нехорошо, – согласился Платон, чувствуя, как головокружение и слабость, появившиеся в середине дня, подступали все ближе и становились все сильнее.

– Сколько, ты думаешь, есть еще времени? – спросил Михаил Олегович. Этот вопрос его беспокоил больше всего.

– Месяц, может два.

– Не много. Ладно, ты езжай, отдохни, выглядишь очень бледно, я постараюсь со своей стороны напрячь все силы и разузнать хоть что-нибудь еще.

Платон лишь устало кивнул, сердечно обнял Макарова-старшего, и, проклиная себя за слабость, втянувшую в этот кошмар такого прекрасного человека, вышел прочь из кабинета.

Юра легко и весело вскочил с удобного кресла, в котором почитывал какой-то автомобильный журнал, лукаво улыбнулся секретарше, и отправился следом за Самсоновым.

– Платон Сергеевич, вы в порядке? Выглядите не очень.

– Мне нехорошо, Юра, просто нехорошо. Надо поехать домой.

– Поедем, не вопрос.

Всю дорогу домой Платон не проронил ни слова. Он чувствовал сильный озноб, даже попросил выключить кондиционер, хотя жара на улице стояла приличная. Голова раскалывалась на части, организм просил пощады и отдыха, даже глазам было тяжело смотреть по сторонам, словно Самсонов не спал неделю. Слава Богу, телефон молчал и не старался опешить его острой необходимостью мчаться на работу.

«Настя, Настенька, Анастасия Викторовна, где же ты сейчас?»

«Михаил Олегович, дорогой, прости меня, голубчик, из-за моей слабости не знать тебе больше покоя. Как и мне».

«Анатолий Петрович, родной, что же ты задумал?»

Несмотря на усталость, мысли мчались неуправляемым вихрем, и стоило Платону закрыть глаза, как он чувствовал ощущение, схожее с эффектом так называемого «вертолета» – в студенческие годы так называли состояние, когда перепьешь, и голову закручивает в тяжелом торнадо.

– Да, я смотрю, дело совсем плохо, – донеслось откуда-то со стороны.

Эта Юра наклонился над ним, пока машина стояла на светофоре.

– Похоже, стоит вызвать врача, – произнес он, увидев уставшие глаза Платона, словно затянутые пеленой лихорадки.

– Не надо врачей, – прошептал Платон автоматически, не совсем уже соображая, что происходит вокруг.

– Да, вы правы, они здесь не помогут, – согласился Юра.

Платон не помнил, как они доехали до дома, разумеется, не знал, когда и кто привез Юре три больших пакета с маркой какого-то до боли известного продуктового магазина для богатей. И уж тем более, не суждено ему было увидеть, как Юра готовит лекарство из абсолютно чуждых, казалось, компонентов.

Но после того как он, с помощью телохранителя, приподнялся с постели, где по-прежнему лежал в деловом костюме, и выпил принесенный напиток, в голове сразу же стало легче, мысли сразу же успокоились, и он сразу же провалился в один из самых глубоких снов, когда-либо снявшихся ему.

Глава 3

Густая, непроницаемая ночь спустилась на столицу. Луна светила в полную мощь, словно выставляя напоказ свою неоспоримую корону превосходства и первенства в это время суток. Яркие звезды, иногда вступающие с ней с бессмысленный спор, здесь полностью сдавали позиции, светя на Москву как сквозь призму туманной пелены, или как светильник, который работает в половину своих возможностей. Вспоминались строки из песни «Город-мечта»:

«Звезд на небе мало, но это не беда, здесь почти что в каждом доме есть своя и не одна...».

Легкий ветерок сжалился над жителями столицы, посылая в открытые форточки подданных своего королевства, которые, на огорчение людей, действовали весьма лениво и с постоянными перебоями, словно пьяный моряк, который пытался изо всех сил напирать свои легкие, дабы сдунуть бумажный кораблик со своей руки в небольшую лужицу.

Его величество дождь, которого ждали чуть ли не с благоговением, упрямо не хотел прислушиваться к мыслям миллионов истощенных от жары обитателей столицы. Более того, он даже не обращал внимания на постоянные обещания метеорологов, которые со всех каналов каждый день твердили, что возможны осадки. Сухость воздуха ощущалась повсюду, от Красной Площади до самого забытого закоулка окраины.

В столь поздний час машин по столице разъезжало немного, поэтому громадный джип руководителя СБГ, занимающий добрые две полосы, чувствовал себя вполне комфортно, двигавшись в направлении загородной резиденции Анатолия Меленкова.

Александр Соколов прекрасно чувствовал себя в любое время года: во-первых, его стойкий организм был приучен к самым разным климатическим особенностям, да и вообще от природы не отличался прихотливостью; во-вторых, в его машине, благодаря уникальной системе климат-контроля, всегда было свежо и прохладно, как после дождя. Проезжая место недавнего покушения, Соколов почувствовал странное ощущение, схожее с чувством человека, оказавшимся напротив памятника с собственным именем.

Анатолий Меленков, выглядевший весьма уставшим последний месяц, встретил своего главного защитника в большой и просторной гостиной. Одетый в красивый шелковый халат, небритый и с ввалившимися глазами, президент корпорации «Голиаф», носившей его главное прозвище, медленно потягивал крепко сваренный кофе.

– Да, Петрович, совсем себя запустил, я смотрю, – вместо приветствия начал Соколов, едва шагнув в гостиную и окинув шефа сочувственным взглядом. – Неужели у нас все так плохо? Или у тебя тоже на фоне адских ночей совсем силы истощились? – и он хохотнул, довольный своей шуткой.

– О чем бормочешь? – устало буркнул Меленков.

– Да я о Платоне. Бедняга совсем свалился, температура под сорок, прямо лихорадка. Если бы я рядом с ним не оставил твоего вундеркинда, мог бы забеспокоиться уже.

– Да ты что? Серьезно? А что с Платоном случилось? – оживился Анатолий Петрович.

– Сейчас уже все позади, но точно причину сказать не могу, не врач. Юрка говорит, сильнейшее переутомление, какие-то стрессы.

– Хм, как я его понимаю. Надо парню дать недельку отдыха сразу после полугодового собрания по проектам, которое, кстати, уже пятый раз переноситься.

– Ладно, я к тебе сам знаешь по какому делу. Как я уже говорил по телефону, удалось выследить зачинщиков недавних событий.

– Картель «Кали»?

– Да нет, этими как раз и не пахнет, – поморщился Соколов. – Даже Константин Сычев, командующий войсками Московского Военного Округа, похоже, здесь просто пешка.

– Которая изрядно пощекотала твои нервы.

– Да, было дело. Моему агенту в Марокко удалось выйти на след одного подпольного завода по переработке алмазов, куда Сычев, судя по всему, наведывался семь лет тому назад.

– Причем здесь Марокко?

– Объясню, – терпеливо продолжал Соколов, – раз уж нам пришлось работать в условиях, исключающих контакт с самим виновником торжества, то действовали по всем правилам шпионажа. Как я изначально говорил, Сычев оказался чист как стеклышко, даже диву даюсь, как его берегли, поэтому моим людям пришлось вспахать архивную базу МВД. И что ты думаешь – там сияла полная пустота! Данные на Сычева отсутствовали вообще, словно их вымели поганой метлой. Даже странно, что он раньше никогда не попадал под радар СБГ. Пришлось искать корни его жизни до резкого продвижения по службе, которое случилось около шести лет назад. Мои люди наведались к его родителям, где нарыли наибольшее количество информации, перепотрошив небольшую, но очень комфортную загородную дачу, которую выслеживали около двух недель. Разумеется, старики ни о чем и не догадывались. Кое-какие концы удалось распутать уже позднее, руководствуясь полученными задатками. Так вот, Константин Сычев, оказался вовсе не Константином Сычевым, а погибшим в югославской войне майором Денисом Стрельниковым, чьи награды удалось раскопать недалеко от дачи, в заросшем лесу, рядом с деревом, на котором Стрельников в детстве сооружал себе штаб-квартиру. До югославской войны Стрельников уже побывал в нескольких африканских вооруженных конфликтах, зарабатывая на жизнь в качестве наемника. Между прочим, у него довольно неплохой послужной список был, пока он не вляпался в малоизвестный теперь «марокканский инцидент».

– Что за инцидент? Я тоже о таком не помню.

– Неудивительно, об этом мало распространялись. Я даже подозреваю, что если бы в нашей службе безопасности не оказалось человека, принимавшем в этом инциденте непосредственное участие, вряд ли бы нам удалось что-нибудь разузнать. По большому счету смысл всего «марокканского инцидента» уместился в примитивном понятии грабежа, только с большой наживкой. Пятьдесят наемных солдат, преимущественно славянской крови, решили хорошенько погреть себе руки, напав на тщательно скрываемый караван, который перевозил на корабли обработанные алмазы. Как ты понимаешь, далеко уйти им не удалось, поскольку алмазные короли подняли на ноги всю марокканскую армию и даже разведку. Унесли ноги лишь трое, да и те без добычи – Шумейко, наш работник, Иванов и Костомаров, чьи имена мы добыли лишь при помощи Шумейко. Кстати, не один из них не дожил до сегодняшнего дня, проверять факты их смерти мы не стали, но Шумейко утверждает, что те умерли вполне естественными человеческими смертями.

– Хорошо, а что же Сычев, или Стрельников? – поинтересовался Меленков.

– Вот тут-то самое интересное. Шумейко утверждает, что его боевой товарищ по грабежу был захвачен при нападении на их логово. Других источников мы, к сожалению, не нашли, но факт остается фактом – более года родители Стрельникова знать не знали, что стало с их сыном, отец даже был уверен в его смерти и установил небольшой памятник рядом с деревом, о котором я уже упоминал. В начале 1999-го Стрельников вновь объявился на родине, и, не дав толком опомниться ошалевшим от счастья родителям, кинулся в югославскую войну, где уже и умер документально окончательно.

Поскольку после его смерти и вплоть до того, как четыре года спустя Константин Сычев не засветился в коридорах Генштаба, нам не удалось разузнать ровно ничего, пришлось вернуться в прошлое и раскопать больше информации о «марокканском инциденте». Я печенкой чувствовал, что там что-то есть, и не ошибся. Несмотря на то, что для истории этот мало-значительный факт остался покрытым мраком, для местных жителей ограбление века живо так же ярко, как если бы это случилось вчера, поэтому моим агентам не составило особого труда выйти на упомянутый мною заводик, из недр которого богатый груз некогда отправился

в запланированное плавание. Позже удалось выяснить, что именно туда привезли десятерых взятых в плен грабителей, которых не успели убить. А еще позже, когда стало окончательно понятно, что именно в этом заводе надо искать корни дальнейшей судьбы Стрельникова, нам пришлось выкрасть одного из старейших охранников, или террористов, как их еще обозвать, кто был свидетелем тогдашних событий. Для этой операции я использовал «Контру».

– Все прошло без сучка?

– Без задоринки, – осклабился Соколов, – а как же иначе? Так вот, старый марокканский наркоман, который и дня не может прожить без щепотки кокаина, и чье имя я даже вспоминать не собираюсь – язык сломаешь – выложил нам все на блюдечке с голубой каемочкой. Стрельников оказался единственным, кому даровали жизнь, остальных же закопали недалеко от завода, порубив на мелкие кусочки.

– Интересно-интересно, чем же он так их подкупил? – любопытно взглянул на Соколова Меленков.

– Не смотри на меня так, я сам не знаю, – потупился Александр. – Но, по всей видимости, Стрельников-Сычев до сих пор сидит у них вот на таком огромном крючке, – и он выразительно согнул указательный палец правой руки, который, если бы превратился в сталь, пронзил бы упомянутого Сычева насквозь. – Не удивлюсь, если выяснится, что для такой свободы ему пришлось укокошить всех своих подельников. Но не в том суть. Наш драгоценный марокканский язык поведал в ломке о том, что последний раз видел Сычева около семи лет назад, когда тот в последний раз появлялся на территории завода. Разумеется, он и понятия не имеет, зачем тот появлялся, но это уже не так важно, тут и простой фантазии достаточно. Сычев с руками и ногами слуга тех, чья алмазная империя вот уже сотню лет разрастается по миру.

– Оппенгеймеры.

– Они самые, голубчики, – кивнул Александр, – а кому служат члены этого высокопоставленного семейства, ты и без меня отлично знаешь.

– Это что же получается, Комитет решил проверить нашу боеспособность? – спросил Меленков, хотя и без того уже знал ответ.

– А то как, очевидное дело. Но есть и хорошие новости – несколько часов назад моим агентам удалось добыть информацию о намечающемся собрании теневых владельцев завода, которое состоится через неделю, и где, по слухам, будет присутствовать сам граф Алонсо, главный представитель семьи Оппенгеймер.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю поджарить всю эту шайку с их проклятым заводом, – хищно ответил Соколов.

Меленков надолго задумался, производя в голове действия гроссмейстерского масштаба. Александр терпеливо ждал, развалившись на широком диване, который уже порядком успел просесть под тяжестью гиганта. За прошедшую ночь он успел изучить местность для предполагаемой атаки, разработать превосходный план и тысячу раз в голове проследить различные варианты его исполнения.

– Не рановато ли для операций подобного рода? – спросил, наконец, Меленков.

– Думаю, что нет, – ответил Александр, поднимаясь, и зашагал по комнате, – во-первых мы, разумеется, не станем оставлять никаких следов своего присутствия, может быть, даже свалим все на «золотой полумесяц», во-вторых, даже если об этом прознают в Комитете, широкомасштабных войн с Россией сейчас никто затевать и не станет. Ты же прекрасно знаешь, сколько сил, и, главное, денег – а разве есть что-то более важное для Комитета, чем деньги? – потрачено на подготовку глобальной разборки мирового масштаба, так что наши золотые друзья не кинутся мстить как стая дворовых собак, потерявших заблудшую суку. Разумеется, нам это припомнят сполна после того, как все закончится, но ведь после этого ты и сам собирался столкнуться с ними не на жизнь, разве я неправ?

Меленков лишь устало покачал головой.

– Когда же все это закончится, – утомленно произнес он.

– Похоже, что только с нашей смертью, – оптимистично подбодрил Соколов. – Ну так как, Петрович, поддержишь мою затею?

– Я не знаю, чутье подсказывает мне, что не стоит туда соваться сейчас.

– Да? Очень жаль, – заметно потух Александр, словно ребенок, у которого забрали любимую игрушку и который вот-вот расплачется.

– С другой стороны, эти скоты организовали такой переполох, в котором чудом не погибли дорогие мне люди, – обнадеживающе продолжил Меленков, и Соколов вновь воспрял духом, увидев в конце спасительный свет. – Да и сопляк этот Алонсо, давно мне противен, как назло туда собрался. Прямо и не знаю, что и решить.

– Позволь мне разрубить этот твой гордиев узел, – живо подхватил Соколов, с восхищением наблюдая над тем, как чаша сомнений склоняется в его сторону.

– Ты так говоришь, словно собственноручно хочешь это все выполнить, – удивленно уставился на Александра Меленков, и, увидев, как при последних словах глаза Соколова прямо таки зажглись кроважидным огнем, быстро замахал руками. – Нет-нет! Даже и не думай об этом! Не смей просить! Никуда я тебя н-е о-т-п-у-щ-у! Что такое надумал?!

Это были далеко не все восклицания Анатолия Петровича, которые градом посыпались на смирно сидевшего Александра. Истории не известен дальнейший диалог этих двоих, каждого по-своему выдающихся людей, но сторожевые псы, наверное, никогда не забудут, как в ту ночь огромный гигант выпорхнул из дверей загородной резиденции порхая, словно бабочка, и, с улыбкой до ушей и светящимися от счастья глазами помчался к стоящему у ворот огромному джипу.

– Тише! Смотри! Кажется, просыпается!

– Ты говорил мне это уже раз двести. Когда перестанешь путать его стенания во сне с настоящим пробуждением.

– А может нам его это... потеревить немного?

– С ума сошел! Юра велел и пальцем к нему не прикасаться.

– Да уж, помню. Хорошо хоть бредни его закончились, уже десять часов как не издал ни звука. А то такие страсти про какую-то машину говорил, аж мурашки по коже ходили.

– И не говори! Девушка-машина, фантастика да и только!

– Гляди! Теперь просыпается! Это уж точно!

Платон простонал что-то в полудреме, и открыл наконец-то глаза, узрев Артема Быстрова и Сергея Макарова, своих лучших друзей.

– Пацаны? Что вы тут делаете? Где я? – ничего толком не соображая, произнес он.

– Не переживай, все хорошо. Ты у себя дома, приболел немного, вот мы и приехали тебя навестить, – бросился объяснять Быстров. – Как себя чувствуешь? Теперь лучше?

– Да вроде все хорошо, только голова побаливает. Можно мне кофе?

– Да-да! Конечно! – кинулся со всех ног Сергей, и уже через несколько минут принес на небольшом подносе свежий ароматный кофе. Рядом лежало два бутерброда с красной икрой, и поскольку сливочного масла в холодильнике обнаружить не удалось, Сергей с двойным усердием намазал хлеб аппетитным деликатесом.

Платон с благодарностью проглотил принесенный завтрак, сразу почувствовав себя лучше.

– Звонил отец, волновался, – сказал Макаров, – обещал после работы заскочить.

– Хорошо. Сколько я спал?

– Тридцать шесть часов, – ответил появившийся на пороге спальни Юра. – Ровно столько, как и планировалось, и ни минутой позже. Теперь ты можешь чувствовать небольшое головокружение, которое пройдет в течение дня. Не воспрещается есть от пуза и пить хорошее вино.

– Вот это деловой разговор, – радостно подхватил Быстров, – а париться можно?

– Можно-можно, все теперь можно, – подтвердил Юра.

– Ура! Тогда все ко мне! Давно хотел похвастаться новой сауной!

– Втюхнул-таки к себе в квартиру сауну? – удивился Макаров.

– Ага! Еще какую! Пришлось пожертвовать половиной гардероба, но оно того стоило!

– Новость, конечно, замечательная, – улыбнулся Платон, – но во-первых, я еще довольно слаб...

– Пройдет в течение дня, – подхватил Юра, – есть от пуза, и пить хорошее вино не воспрещается.

– Спасибо. И во-вторых, у меня на участке тоже есть замечательная баня.

– Откуда такая радость? – воскликнули Быстров с Макаровым.

– Рождественский бонус, – пошутил Платон. – Недели три уже стоит, да вот никак не опробовал еще.

– Вот злодей, и столько дней молчал!

– Да вот, как-то все не до этого было.

– Тогда что мы стоим? – спросил Быстров. – Все бегом на дегустацию! Юра, там еще осталось «Киндзмараули»?

– Да, с пол-ящика.

– Супер! Денек, я чувствую, удастся на славу!

– Это точно, – подхватил Макаров. – Только ты это, не гони лошадей, баню ж ведь еще топить и топить надо!

– Уже два часа как растоплена, – скромно ответил Юра.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты самый лучший телохранитель в мире? – засмеялся Быстров, сжимая того в дружеских объятиях.

– Было дело, – то ли серьезно, то ли в шутку ответил Юра, отчего все вместе расхохотались еще больше.

– А вы я смотрю, тут подружиться все успели, – заметил Платон, которому было не до смеха, хотя на душе и чувствовалось мимолетное облегчение.

– И не говори! – кивнул Макаров. – Юра у тебя золотой человек! Просто на все руки мастер! Только о чем подумаешь, а он как джин, словно разорвет волосик, трах-тиби-дох-тиби-дох и все исполнится.

– Ну хорошо, довольно болтовни, пойдем париться, – буркнул Платон, но уже с улыбкой.

Все четверо спустились на первый этаж, быстро накинули банные халаты, и переместились в упомянутую баню.

День прошел и правда хорошо и спокойно. Друзья парились, общались, пили вино, просто отдыхали, валяясь на широких диванах в каминном зале.

Платон понимал, что уже никогда больше не сможет так расслабиться, как бывало раньше, разве что только если память не сотрется как-нибудь случайно, тем не менее, был благодарен судьбе за этот душевный летний денек.

Ближе к вечеру подтянулся и Макаров-старший, сразу став душой компании, рассказывая очередные истории из своего прошлого, которые был мастер перекладывать на рельсы умопомрачительного юмора, отчего все держались за животы. Ни словом, ни даже взглядом он не дал понять Платону, как тревожиться за предстоящие события – а ведь, по сути, они вдвоем здесь были заговорщиками, несмотря на то, что ни плана, ни даже его предпосылок не было и в помине.

Лишь только в полночь, когда за Макаровым-старшим приехала машина, и они остались наедине с Платоном перед гаражными воротами, он решился затронуть опасную тему.

– Я отпустил машины сразу же, как только ты уехал. Их, особо не скрывая, доставили на территории стройки «Нового Света», вот только внутрь моим ребятам проникнуть не удалось. Там вообще сейчас посмотреть, так военная база не иначе – обтянули все высоченным забором, охраны нагнали столько, словно «Форд-Нокс» стерегут. Как ты себя чувствуешь? Выглядишь явно лучше, чем в прошлый раз.

– Да, я в порядке, даже голова отлично заработала, вот только ничего хорошего она мне не преподносит.

– Терпи казак, атаманом станешь, – как можно веселее сказал Михаил Олегович, похлопав Самсонова по плечу, хотя у самого на душе кошки так и скребли.

На следующее утро Платон позвонил Смольной узнать, многое ли он пропустил за эти два дня.

– Ничего особенного, все идет в полном соответствии с графиком. Благодаря тому, что мне уже успели сообщить про ваше пятидневное отсутствие, я успела передать часть необходимых обязанностей вашим замам, часть по соответствующим отделам, часть взяла на себя, так что мало-помалу как-нибудь справимся.

– Умничка ты моя, чтобы я без тебя делал? А кто сказал, что меня не будет столько времени?

– Передали мне уже через пятые руки, но, по слухам, первоисточником выступил сам Меленков.

– Хм, хорошо, – удивился Платон, – спасибо тебе за поддержку.

– За что? Это просто моя работа.

Попрощавшись со Смольной, Платон решил никуда сегодня не собираться, благо время назначенного отпуска обещало еще добрых три дня. Но первоначальное желание не покидать постель, смотря случайные подборки старых советских фильмов, было нарушено вторжением Юры.

– Ну ты даешь, под землей такой тир, а ты и не словом не обмолвился, – вместо приветствия начал он, благодаря своему обаянию давно перейдя с Самсоновым на «ты».

– Да как-то не до этого было, сам знаешь.

– Ну так может устроишь экскурсию гостю?

– Можно.

Платон неохотно встал, наскоро умылся, и провел телохранителя в упомянутое помещение, дорога куда начиналась прямым из библиотеки на первом этаже. Одна из стен, заставленная книгами, при нажатии кнопки плавно разворачивалась на идеально смазанных шарнирах, не издавая при этом ни звука, и открывала путь к небольшой лестнице, ведущей вниз.

– А ты как пронюхал про этот ход, хитрый лис? – поинтересовался Платон.

– Ну ты тоже мне, Джеймс Бонд недоделанный, додумался разместить кнопку на внутренней крышке письменного стола. Я ж тут каждую мелочь обследовал, пока ты в горячке отдыхал. Надеюсь, это не столь назойливо с моей стороны? А то профессиональная потребность исследовать территорию потенциального нападения, уж извини.

– Да ничего, – отмахнулся Самсонов, – скелетов дома не храню.

Пройдя два пролета, они очутились в довольно просторном помещении, где царила крошечная тьма, хоть глаз выколи. Платон привычно пошарил на нужной стене, щелкая выключателем, и множество ламп зажглось одновременно, ослепив нежданных гостей.

– Последний раз я был тут пару месяцев назад, тренировался.

– Хорошо стреляешь?

– Вроде неплохо, – кивнул Платон, – в армии был лучшим стрелком.

– Правда? Хм, серьезная заявка. Продемонстрируешь?

– Да можно, хотя я давненько не стрелял.

Он подошел к длинному металлическому столу возле стены, на котором были выложены несколько воздушных ружей, большой деревянный лук, два охотничьих ружья, и травматический пистолет.

Платон выбрал пистолет, встал в стойку, недолго нацеливаясь в бумажную мишень, висящую примерно метрах в тридцати от него, а потом выпустил сразу три пули.

Юра подошел ближе к цели.

– Неплохо, две пули в восьмерку, и одна в девятку! А ты, я скажу, и правда отличный стрелок!

– Спасибо, мне очень приятно слышать такое от тебя.

Платон не кривил душой, стрельба была его любимым хобби, да и природа, признаться честно, наделила его для этого превосходными данными, точнее его руки, которые словно были продолжением глаз, иначе как объяснить такую поразительную меткость.

– Скажи, а ты всегда стреляешь с этой пародии на оружие? Настоящее дома есть?

– Только ружья, но они не для мишеней, это для охоты.

– Сам догадался, – улыбнулся Юра, протягивая Платону пистолет. – Попробуй-ка с этого.

Платон с замиранием сердца осматривал оружие неизвестной марки, а когда взял в руку, то и вовсе потерял голову – пистолет был нелегким, нетяжелым, казалось, он до миллиграмма имел тот самый вес, о котором стрелок мог только мечтать. Его рукоять была настолько удобной и неприхотливой, словно сама ласкала руку. Обтекаемый, нестандартно длинный ствол, заканчивался изображением бриллианта у основания.

– Ух ты! Что за диво! Откуда ты его взял? Я вроде не видел при тебе оружия.

– Не переживай, не в заднице хранил, так что можешь брать не опасаясь, – усмехнулся телохранитель.

Платон с детской радостью покрутил оружие в обеих руках, потом нацелился на цель, и дважды выстрелил, разрушив тишину замкнутой комнаты.

– Да, громковато, надо было надеть глушитель, – сказал Юра, прогуливаясь к мишени, – зато прямо в яблочко! Все в десятки!

– Обалдеть! – воскликнул Платон. – Это что за чудо техники такое! Где можно достать! Я непременно хочу такой же!

– Я не против, если Александр Васильевич позволит. Это не серийное оружие, а личная собственность СБГ, точнее, изобретателя Алмазова.

– Изобретателя Алмазова? – удивился Платон. – Имеет ли он какое-либо отношение к Анастасии Викторовне Алмазовой?

– Какое-то имеет, ведь именно она подарила ему жизнь.

Платон ошарашено застыл, открыв рот, и первое время не находил, что сказать.

– Я никогда не знал, что у нее есть дети, – произнес он, наконец, почти шепотом.

– А ты что, с ней так близко общался?

Самсонов смутился.

– Да не то чтобы, просто она была для меня такой уникальной.

– Не только для тебя. Но почему ты говоришь о ней в прошедшем времени?

– Я, просто, давно ее не видел, – спохватился Платон.

– Понятно, не беда, я думаю, скоро увидишь, ведь ее уже долго нет в столице.

– А ты не знаешь, где она?

– Знал бы, не сказал, но я, честно, понятия об этом не имею, – развел руками Юра. – Странно, я обычно охранял ее.

Самсонов не хотел продолжать этот разговор, дабы не наткнуться на слишком острые углы, поэтому спешно перевел тему.

– Ты говоришь, что если Соколов будет не против, я смогу получить такой же пистолет?

– Думаю, без проблем. Если хочешь, можешь пострелять из него еще немного, две запасные обоймы вон там, на столе.

Второй раз приглашать Платона не стоило, и он с удовольствием провел последующие полчаса, намеренно растягивая каждый выстрел. Все пули достигали своей цели с поразительной точностью.

– И все же, ты можешь мне рассказать про изобретателя Алмазова? – спросил Платон за завтраком.

– Да что о нем рассказывать – толковый парень тридцати пяти лет, которого хлебом не корми, дай что-нибудь изобрести. Между прочим, множество примочек в твоём «Мерседесе» тоже его рук дело. Как тебе машина? Видел когда-нибудь что-то подобное?

– Да уж, подобного мне точно видеть не приходилось, – уклончиво ответил Платон. – А можно с ним познакомиться?

– Теоретически, конечно, можно, только его сейчас нет в стране, а когда будет, затрудняюсь сказать. Кстати, – оживился Юра, – про еще одну занимательную штуку хотел спросить у тебя.

– Какую?

– Поднимемся к тебе в спальню, я покажу.

Платон молча проследовал следом, уже понимая, о какой вещице хотел спросить телохранитель. И правда, войдя в спальню, Юра подошел к окну, повернулся к Платону лицом так, что свет из окна падал в основном на Платона, и дернул едва заметный рычажок на небольшой скульптуре богини Фемиды, стоящей на подоконнике. Через секунду встроенный кондиционер в потолке раскрыл отсек, предназначенный для запасного хранения фреона, и оттуда упали два игрушечных пистолета, которые Юра без труда перехватил прямо в воздухе, наставив пушки на Платона.

– У тебя я тут сморю, целый шпионский арсенал.

– Это? – усмехнулся Платон. – Разве ты не знал, что в каждом мужчине живет ребенок.

– Да уж, – засмеялся Юра. – Долго тренировался?

– Несколько месяцев, зато перехватываю быстрее тебя.

– Серьезно? Покажи?

Платон достал из кладовки небольшую лестницу, поднялся к потолку и заправил игрушечные пистолеты в кондиционерный отсек. Потом подошел к окну, сместив телохранителя, и повторил необходимую процедуру. Юра похлопал в ладоши.

– Молодца! Ничего не скажешь. И правда, наловчился.

– Да вот, первые годы, как здесь поселился, каких только фантазий в голову не лезло. Все думал, что большим человеком теперь стал, на которого, как в кино, могут вести постоянную охоту, вот и пытался защитить себя различными примочками.

– Ну, знаешь ли, игрушечными пистолетами себя особо не защитишь. А настоящие перехватить бы смог?

– Думаю да, правда, не пробовал никогда.

Целый день они провели дома, общаясь, как старые знакомые. Ближе к вечеру Юра вновь растопил баньку, предварительно нарезав первоклассных дубовых веников, растущих неподалеку от участка Самсонова, и обходил ими Платона по всем правилам русской парной.

– А ты что, вообще не пьешь никогда? – спросил Платон, допивая за ужином остатки вина.

– Никогда, – кивнул Юра, – работа у меня не та, не могу позволить себе хоть на капельку утратить бдительность.

– Хм, странно, даже Соколов хлещет водку ведрами, когда расслабляется.

– Будь у меня такой организм, как у Александра Васильевича, может, тоже глушил бы, – усмехнулся телохранитель.

Последний день, проведенный в домашней обстановке, запомнился Платону как день, несущий в себе некую законченность всей его прошлой жизни, которая и так дала трещину неделю назад, став похожа не то, что на задницу, скорее вывернулась наизнанку. Много часов он пролежал молча в кровати, уставившись в потолок, стараясь, наконец, обуздать ненавистные мысли, высасывающие из него все соки. Не сказать, что ему это полностью удалось, но ближе к вечеру дело с внутренним самоконтролем заметно продвинулось вперед, даже удалось сбить нарастающую днями панику и страх.

Юра весь день провел в каминном зале, уважая желание Самсонова уединиться и побыть одному.

Глава 4

Александр Соколов, глава СБГ, уникальный по физическим данным человек, олицетворяющей в себе беспредельную силу матушки земли русской, последние дни просто светился от счастья, улыбаясь гораздо чаще, чем это явление вообще за ним наблюдалось. Его невероятное возбуждение, вряд ли понятное большинству простых смертных, с большим удовольствием разделила бы изголодавшаяся акула, почуявшая горячую кровь жертвы. Адреналин так и бил Соколову в голову, передавая по всему телу волну излюбленного тока, по которому Александр истосковался как голодный орел, если бы того отлучили на год от свиданий с прометеевой печенью.

Два дня! Всего два дня! И он пустит, наконец, кровь врагу!

Лишь одно обстоятельство отравляло нарастающее предвкушение битвы, а именно его слово, данное Меленкову. Да, Соколову пришлось пообещать, что это будет последняя командировка подобного типа, иначе непреступный Голиаф ну никак не соглашался его отпускать. Более того, Анатолий Петрович настоял на том, чтобы Александр взял с собой личных телохранителей, двоих бойцов из легендарного отряда «Контра». Телохранителями они назывались скорее формально, ведь Александр никогда не признавал за собой никакой охраны, и, в общем-то, имел для этого определенные аргументы. Но на этот раз он уступил и здесь.

Помимо них на карательную операцию собрали двадцать пять бойцов, отобранных Соколовым лично, и каждый из них изо дня в день вел подготовку к предстоящей поездке. Вряд ли все они разделяли хоть малейшую долю того беспредельного счастья, которое владело Александром, но все до единого свято верили в то, что вернуться в полном здравии. Вера с несокрушимостью руководителя СБГ была настолько безгранична, что, казалось, являлась единственным нерушимым догматом для этих людей. Даже если предположить, что теоретически существовала возможность провала, и провести на этом азартный тотализатор, вряд ли бы кто согласился поставить свои кровные не на Соколова.

Тем не менее, времени для подготовки было крайне мало, а для полной проверки всех данных и вовсе недостаточно. Меленков этого не знал, поскольку физически не мог быть вездесущ, как Бог, иначе бы никогда не отпустил от себя Александра.

Нельзя сказать, что Соколов не понимал подобного, разве что только страсть охоты и бьющий по телу адреналин не заполнял частично все остальные чувства. В рекордно короткий срок разведка прочесала необходимую местность вокруг алмазного завода так, как только могла, и пришла к выводу, что для атаки объект весьма пригоден. По большей части это было правдой, ведь завод изначально не строился подобно Генуэзской крепости, окруженной скалами, да и не предназначался для иных целей, как обработка алмазов. Его хозяева не меньше Соколова были уверены в своей неприкасаемости – и правда, жители близлежащих поселений разве что под страхом смерти перешагнули бы порог алмазного завода – а для того, чтобы отбить атаки местных африканских бандитов, и собственных сил было достаточно.

Немного дождливый, но в целом солнечный четверг протекал для Александра в бешеном и лихорадочном темпе. Ровно в полдень он заскочил к Меленкову, докладывая о текущем состоянии дел.

– Как себя чувствуешь? – сразу спросил Анатолий Петрович, хотя по лицу Соколова и так было понятно, что жизнь удалась и он всем доволен.

– Как бешеный бык! Мы практически готовы. Сегодня утром пришли разведданные подтверждающие проведение намеченного собрания. Алонсо будет там, и, возможно, даже не самой крупной фигурой.

Меленков вопросительно взглянул на Александра.

– Говорят, что Оппенгеймер вводит в дело своего младшего внука, двадцатидвухлетнего Джозефа.

– Хм, это интересно, – произнес Анатолий Петрович, закуривая кубинскую сигару, – ты понимаешь, что произойдет, если Комитет узнает?

– Мы это уже обсуждали, – нахмурился Александр, – конечно понимаю. А что понимали эти выродки, когда пытались заварить такую кашу у нас? Заказали меня? Тебя бы, конечно, сейчас не тронули, но все же.

– Да, ты прав, – согласился Меленков, у которого от воспоминаний недавних событий до сих пор закипала кровь в жилах от ярости, – такого прощать нельзя. Сотри этот муравейник в порошок.

Соколов хищно улыбнулся.

– Да, кстати, ты спрашивал, что там с машиной Самсонова, – вспомнил Александр. – Так вот, с ней теперь все в порядке, хотя то, что происходило поначалу, весьма озадачило моих специалистов?

– Что такое? Вам удалось отследить того, кто вторгнулся в канал прослушивания?

– Не совсем, если честно, я даже не уверен, что все выглядело именно так. Видишь ли, уже после двух часов диагностики наши спутники вновь были заблокированы по трем каналам. Звонки прошли прямыми из машины, как в первый раз. Подобное продолжалось трижды, и это даже не единственная странность – машина несколько раз самостоятельно заводилась, включалась печка и даже музыка.

– Чертовщина какая-то. Может, она у тебя и каталась там самостоятельно по аэродрому?

– Нет, слава Богу, – ответил Александр, которому до сих пор было не по себе, как и Меленкову.

– Так что тогда? Вам удалось найти проблему?

– Скажем так, пришлось поступить по-македонски – мы просто снесли всю систему и установили новую, после чего сюрпризы полностью прекратились. Компьютерщики уверены в том, что аппарат каким-то образом схватил неизвестный им вирус.

– Вирус, который знает наверняка наши коды доступа к спутникам? Что за чушь ты несешь?

– Я тоже об этом думал, и пытался вытрясти ответ из всех и каждого. Коллективные мозги в итоге сошлись во мнении, что сработал некий вектор памяти, ведь нам уже известно было, что почти месяц назад, когда погиб Хамитов, подобным образом были заблокированы все три спутника, звонками из машины. Видимо, электроника это запомнила, но я в этом, если честно, плохо разбираюсь. Вопрос в том, кто же их первый раз в этот компьютер ввел, и ответить на это я не в состоянии.

– Не нравится мне все это, ох как не нравится, – покачал головой Анатолий Петрович. —

Слишком много непонятных событий вокруг. Ты сменил все коды по спутникам?

– Обижаешь, Петрович.

– Хорошо. А что с машиной?

– Да ничего, утром пригнали на парковку, стоит там мирно. Думал вернуть Платону. Или не стоит?

– Да нет, пусть забирает, – задумчиво ответил Меленков. – А он уже на месте? Выздоровел?

– Юрка доложил, что с утра на работе, и, вроде, огурцом.

– Хорошо. Ты уже отозвал его от Платона?

– Ага, – кивнул Соколов, – тоже сегодня утром. Есть еще пару заданий, которые ему предстоит завершить.

– Думаешь, Платону больше ничего не угрожает?

– Думаю нет.

– Хорошо, я рад. Как дела на нашей военной базе?

– Все развивается по плану! На следующей неделе должны доставить очередную партию танков. От добровольцев служить и обучаться просто нет отбоя – платят-то хорошо. К назначенному сроку, думаю, у нас будет даже больше сил, чем планировалось.

– Это хорошие новости, – впервые улыбнулся Меленков. – Если бы все шло так, как по плану.

Соколов кивнул, ухмыльнулся, и направился напрямик к Самсонову, которого застал за кропотливым разбирательством толстой кипы бумаг, заполонивших полстола.

– Сколько бумаги, сколько проклятой бюрократии, – вздохнул Платон в ответ на сияющую улыбку гиганта. – Кажется, к тому времени, когда удастся запустить автомобильный завод, количеством волокитной макулатуры можно будет заполнить его сверху донизу.

– Россия, – посочувствовал Соколов, – мать наша ненаглядная, очень любит бумажки. Хотел сказать тебе, что машину мы проверили, все чисто, хотя поначалу она вытворяла такое, что и представить сложно.

Если бы Соколов не был так занят собственными мыслями, он, безусловно, заметил бы, как побледнел и осунулся Платон.

– Где *она*? – еле слышно, почти шепотом, спросил он.

– Кто? Машина? Да ждет тебя на стоянке. Ключей не даю, сам, думаю, все помнишь.

Они поговорили еще немного, в основном о работе, но как только за Соколовым закрылась дверь, Платон, еле переводя дыхание от волнения и страха, пулей кинулся в сторону подземной парковки, пролетев солидное расстояние не чувствуя ног.

Машина стояла на его собственном месте, рядом с припаркованным Мустангом, и Платон долго смотрел на нее как вкопанный, потом прошелся взад-вперед, провел рукой по лобовому стеклу, как замороженный, но все еще не решался открыть дверь и заглянуть в салон.

– Платон Сергеевич, все в порядке? – голос охранника заставил Самсонова подпрыгнуть на месте, и испытать прилив адреналина не хуже, чем после просмотра острой сцены из какого-нибудь фильма ужасов.

– Да-да! Все в порядке! – ответил он машинально, продолжая свой обход вокруг машины, словно старый опытный наездник, который осматривал непокорную дикую лошадь перед тем, как объездить.

Сколько прошло времени прежде чем он решился заглянуть в салон, не запомнили даже наручные часы, которые еще с утра забастовали и перестали ходить, требуя заменить батарейку, но Платон все-таки набрался духом и медленно, словно боясь взрыва, отворил водительскую дверь. Из салона доносился приятный запах какого-то нового аромата, напоминающего фруктовую смесь с оттенками шоколада, но он был слишком тонок и слаб, чтобы надоедать. Еще пару минут Платон постоял, уставившись на руль, но в итоге решился и пересел в водительское сиденье с желанием не меньшим, чем у преступника, приговоренного к электрическому стулу.

Дверь, вопреки его ожиданиям, закрываться не стала, и он, замерев на месте, но так и не дождавшись доказательств присутствия кого-либо другого, затворил ее сам. Мертвая хватка страха немного отпустила, что позволило Платону более расторопно разобрать прихваченный ноутбук и подсоединить его к прикуривателю автомобиля. Производя эти действия, он почему-то ощутил себя почти медиумом, который готовит сеанс общения с умершим духом.

Экран ноутбука зажегся в темноте.

Платона открыл пустой текстовый документ и опустил дрожащие пальцы на клавиатуру.

«Настя... привет».

И пальцы застыли, словно от невиданной силы, но в последующие минуты Платон так и не смог написать ни единого слова, сколько не старался, словно мозг, замерший в безумном ожидании, отказывал посылать сигналы остальным частям тела.

«Но почему она ничего не напишет?! Ее нет! Что произошло?!», – завертелось в голове. Тем не менее, он заставил себя пересилить овладевшую слабость, и продолжил печатать.

«Анастасия Викторовна... Настя, я очень виноват перед вами... перед тобой, я очень переживал все это время... пока тебя не было рядом... просто места себе не находил, даже свалился словно в лихорадке и пролежал дома несколько дней. Не знаю, что они с тобой сделали, даже в мыслях боюсь допустить, чтобы тебе навредили, и даже, возможно то, что тебя больше нет, но я все же надеюсь, что...»

Он писал невдумчиво, порывами, не особо следя за оборотами, ведь в глубине души с ужасом понимал, что пишет в пустоту. Гробовое молчание вокруг убивало больше, чем самая громкая дискотека тяжелого рока.

«Я очень надеюсь... и хочу всей душой верить... что все это просто дурной сон, пролежавший внезапно, но оставивший вечный ожог. Но это неправда, сон не может длиться неделями, ведь мы не в матрице, в конце концов».

Платон понимал, что пишет полную чушь, но ничего не мог с собой поделать, пока душевное равновесие окончательно не покинуло его.

«Настя! Настенька! Где ты?! Что с тобой?! Что с тобой сделали?! Что я могу сделать! Только скажи! Только подай знак!!!»

Пальцы строчили и строчили по клавиатуре, и, казалось, еще немного, и из-под них пойдет дым.

Словно армейский пулеметчик, отстрелявший длинную ленту боеприпасов, он устало откинулся на сиденье, уставившись на люк.

– Да, Платончик, видел бы ты себя со стороны.

Платон настолько отчаялся услышать нечто подобное, что сразу просто не обратил внимания на эти слова. Лишь спустя некоторое время до него дошло, что это была не просто галлюцинация, и словно током ударило.

– Настя! – закричал он.

– Ну да, а что, ты какую-то другую бабу ожидал услышать? И не ори ты так, охрана услышит.

Платон ошарашено смотрел по сторонам, словно хотел найти все-таки, где она прячется.

– Анастасия Викторовна, – наконец произнес он, шепотом, – нам же нельзя говорить вслух, тут все прослушивается.

– Орать нельзя, точно услышат, а говорить теперь, сколько душе будет угодно – пока эти кретины сносили всю систему и устанавливали новую, мне удалось взять под контроль не только механическую сторону машины, но и все остальное, так что теперь без моего ведома здесь ни один жучок не пропизжит. Но, признаться честно, ты меня здорово развеселил за последние несколько минут, пока ходил здесь взад-вперед, видел бы ты себя со стороны!

Платон был уверен, что если бы она могла улыбаться в этот момент, то улыбка ее не могла быть еще шире, чем позволяла мимика.

– Нет, правда, спасибо тебе за представление, уж больно скучно мне было последнюю неделю, и поговорить даже не с кем. И спасибо также за то, что переживал.

– Переживал! – вдруг обиделся Платон словно ребенок, трудоемкие старания которого не были оценены должным образом. – Да я чуть с ума не сошел! Думал, что ты подумаешь, мол, я все это устроил, предал тебя! Да и просто боялся, что больше никогда тебя не услышу!

– Охотно верю, спасибо тебе за переживания, – сказала Алмазова, – а про твоё предательство я и не думала. В любом случае то, что произошло, сыграло нам только на пользу, за исключением того, что уйма времени была потеряна. Теперь я точно не могу сказать, когда начнется все это представление.

– Ты имеешь в виду, последний теракт? – еле слышно произнес Платон.

– Да-да, он самый. Надо срочно действовать и пытаться раздобыть побольше информации.

– Каким это, интересно, образом? – искренне удивился он.

– Не переживай Платончик, это моя головная боль. Уж не думал ты, что я стану возлагать на тебя невыполнимых задач, и просить изображать из себя Джеймса Бонда?

– Я рад, что это не так, – выдохнул Платон, который в эту минуту почему-то вспомнил Итона Ханта из «Миссия невыполнима».

– Расскажи, как ты провел эту неделю? Что делал? Может быть, что-то невольно узнал?

– Ух, хороший вопрос, так сразу и не ответишь. За исключением последних четырех дней, что я провел на больничном дома, у меня была весьма насыщенная программа, от которой едва разум не помешался.

– Я вся внимание.

– Едва только мы с тобой приехали на работу тогда, на меня целый шквал проблем накинута, а потом еще Соколов пришел и сообщил, что тебя увозят на диагностику, причем, как я понимаю, произошло это уже после того, как тебя увезли.

– Возможно, я тоже сначала опешила, когда один из бойцов бывшей «Контры» уселся за руль, но решила затаиться, что еще оставалось?

– Один из бойцов бывшей «Контры»? – удивился Платон. – Я думал, это не те люди, которых используют в качестве водителей.

– И ты не ошибался. Вопрос в особенностях самой машины. Я не успела тебе рассказать, что этот автомобиль был из числа уникального спецзаказа, предназначавшегося исключительно для «Контры». Никто, помимо их и, теперь тебя, не может управлять этими машинами – система не позволит.

– А что, есть еще такие автомобили? – не поверил ушам Платон.

– Да, их всего семь, по числу оставшихся бойцов, за исключением Соколова, который, как понимаешь, сюда не влезет.

– Обалдеть! Никогда бы не подумал!

– Хорошо, давай не будем отвлекаться, продолжай.

– Потом еще много чего было, самым интересным из которого, безусловно, оказалась встреча с Михаилом Олеговичем Макаровым.

И он во всех подробностях поведал историю с грузовиками, доверху груженными дявольским грузом.

– Причем все они предназначались для «Нового Света». Можешь мне объяснить, что все это значит?

– Думаю, ты и сам уже догадался – под «Новым Светом» строят самую большую лабораторию для производства наркотиков на Востоке. В этом и был смысл всего проекта – думаешь, Меленкова сейчас больше всего заботит улучшение жилищных условий для тысяч очередников? Нет. Более того, проект «Нового Света» предлагался правительством гораздо раньше, но «Голиаф» отверг его, и лишь теперь, когда такой проект мог послужить первоклассным щитом для сокрытия чудовищной цели, к нему вернулись вновь. После осуществления плана Меленкова сильно истощатся ресурсы половины мира, а торговля наркотиками, как известно, испокон веков является самым выгодным предприятием, поэтому Меленков и потребовал от Комитета личного участия в дележке золотого пирога. Считай, треть транзита Золотого полумесяца встанет на рельсы «Нового Света».

– О Боже, – выдохнул Платон. – Я просто не могу слов подобрать, это чудовищно.

– Да, бесчеловечно, – согласилась Настя, – но в этом теперешняя суть Толи, он поставил перед собой цель, и отныне ее могут оправдать любые средства. Быть может, в глубине души он до сих пор верит в то, что, избавляя мир от ига Комитета, он делает дело всей своей жизни

на благо человечества, хотя, если честно, теперь мне с трудом в это верить. Меленкова необходимо остановить, иначе осколки его идей беспощадной гранатой разлетятся по всему миру. Рассказывай, что с тобой было дальше.

– Ко мне, кстати, Соколов представил охрану.

И Платон подробно рассказал о Юре, о том, как он помог ему вылечиться и встать на ноги.

– Кстати, почему ты мне ничего не рассказала о своем сыне? У тебя же есть сын – изобретатель Алмазов!

– Как ты узнал?

– Случайно, от Юры, когда просматривал чудо-пистолет, который у него был.

– Опиши-ка мне этого Юру.

Платон никогда не был хорошим рассказчиком, если надо было вспомнить чей-то портрет, но здесь постарался, как только мог, и, кажется, достиг своей цели, поскольку Алмазова остановила его и сказала, что достаточно.

– Значит, ты хочешь познакомиться с моим сыном?

– По-моему, я этого не говорил, но, правда, очень хотел бы, даже Юру просил.

– У тебя будет такая возможность, поскольку именно от моего сына теперь многое зависит и именно он может достать мне всю необходимую информацию, – призналась Алмазова.

– Мне странно это слышать, – сказал Платон, – сколько мы говорили с тобой, речь о детях никогда не заходила. У тебя есть еще?

– Нет, один сын. Он родился после того, как Толя пропал в армии.

– Ты хочешь сказать...

– Да, это сын Меленкова. Неудивительно, что он стал гениальным изобретателем – представляешь, какие у него гены? – не без гордости в голосе сказала Алмазова. – Более того, это не единственный его талант, но обо всем прочем потом. Вас я все равно предполагала познакомиться.

– Что ж, жду с нетерпением.

– Скажи мне, ты с кем-нибудь делился полученной информацией?

Платон вздрогнул, боясь этого вопроса больше всего, и поначалу даже хотел наотрез помотать головой, но в итоге передумал. Собравшись духом, он рассказал Алмазовой о разговоре, произошедшем с Макаровым-старшим, за который уже сотню раз мысленно проклинал себя.

– Ты доверяешь ему? – только и спросила Настя после недолгого раздумья. В ее, таком человеческом голосе не слышалось и нотки упрека.

– Да, – признался Платон, и тут же добавил, – но это не оправдывает мою слабость.

– Не кори себя, – Алмазова подумала, и решила не добивать его своей критикой, – ты принимаешь решения, находясь в обстановке чрезвычайно опасной и непредсказуемо взрывной – неудивительно, что ты можешь допустить ошибку, учитывая то, что все это так неожиданно свалилось на тебя. Но, как я понимаю, ничего страшного пока не произошло, и, возможно, твой друг даже сыграет нам на пользу. Главное, чтобы он не наделал глупостей раньше времени. Можешь в этом поручиться?

– Я... не знаю, – признался Платон, – я вообще не хотел бы его задействовать, хотел бы, чтобы все сказанное мной забылось как страшный сон, да и вообще...

– Знакомая песня, держу пари, что и по поводу встречи со мной ты неоднократно думал так же.

– Да, думал. Но мне уже нет пути назад.

– Это неправда, – возразила Настя, – ты всегда сможешь уехать куда подальше пока все не началось.

– Нет, – покачал головой Платон, – уже не смогу.

– *Что ж, я рада. И повторю, не уничтожай себя за то, что втянул в это дело близкого тебе человека. Думаю, ты все таки сделал правильный выбор, тем более, как ты говоришь, Михаил Олегович теперь спит и видит как бы помочь нам разобраться во всем этом?*

– Да, он очень хочет помочь, – по-прежнему с грустью ответил Платон.

– *Вот и хорошо, я думаю, судьба не зря выбрала его.*

– Это не судьба, это сделал я, – упорствовал он, словно пытаясь доказать Алмазовой чудовищные последствия своей ошибки.

– *Неважно, то, что должно произойти, перевернет весь мир, миллионы человеческих судеб, и только единицы, как всегда, способны остановить или хотя бы отсрочить неизбежное. Но давай вернемся к реальности. Ты что-нибудь еще хотел мне рассказать?*

Платон покачал головой и ответил, что больше ему поведать нечего.

– *Хорошо. Как Соколов? Ты же видел его сегодня?*

– Да, – удивился он, – а как ты узнала? Впрочем, неважно. Соколов в порядке, как всегда, собирается куда-то уехать на выходных из страны?

– *Куда? Надолго?*

– Да понятия не имею. Случайно перехватил из телефонного разговора, пока Соколов сидел у меня в кабинете. Он говорил, кому не знаю, что на выходных его в стране не будет.

– *Хм, интересно-интересно. А Меленков что, собирался куда-нибудь?*

– О таком не слышал, – пожал плечами Платон, – но даже если собирался, он же мне не докладывает о своих передвижениях.

– *Пусть так, – согласилась Алмазова, – но вспомни, пожалуйста, еще раз Соколова. Ты не заметил за ним какой-то странности, необычности в поведении, например?* – Ее почему-то очень волновал этот вопрос.

– Да вроде нет, – недоумевал Платон, который никак не мог понять, к чему она клонит. – Разве что только оживленный он весьма, даже, можно сказать, перевозбужден, ну, в смысле, по-рабочему перевозбужден, – он даже покраснел почему-то от этого слова. – Мечется как угорелый, сносит все неосторожно на своем пути.

– *Что ж, все понятно, —* удовлетворенно ответила Алмазова. – *Соколов готовится к карательной экспедиции, как он это любил повторять. Эх, Саша-Саша, великий воин, но никудьшинный актер.*

– Какой-какой экспедиции? – не понял Платон. – О чем ты толкуешь?

– *Ничего, просто Соколов решил отправить на тот свет каких-нибудь уродов.*

– Почему сразу уродов? Может, и хороших людей, просто вставших поперек дороги Меленкова?

– *Просто ты плохо знаешь Александра.*

– Зато ты я посмотрю, его знаешь замечательно, – Платон и сам не понимал, отчего так разозлился, но полоса острой, необъяснимой ревности вдруг полоснула его сердце. – Почему ты всегда так защищаешь его, забывая, что именно СБГ отправила тебя на тот свет? Я все равно не верю, что он мог не знать этого!

– *Тише-тише, Платончик, дорогой, не кипятись, –* примирительно сказала Алмазова, – *я действительно слишком доверяла и доверяю Соколову и уверена, что он к этому не имел никакого отношения.*

– Кто же тогда, по-твоему, отдал приказ, не Меленков ли лично?

– *Кто отдал приказ тому наемнику, который сбил меня насмерть? Нет, не Меленков. Толя лишь намекнул своему проклятому псу, имени которого, да и фамилии я никогда не знала, а тот передал намек уже дальше.*

– Постой-ка постой, с это места поподробней, пожалуйста, – напрягся Платон. – Кто такой? Что за человек?

Алмазова долго не отвечала, задумавшись.

– *Помнишь, я говорила тебе, что Соколов знает далеко не все, что твориться за его спиной в структуре СБГ?*

– Прекрасно помню, и очень хотел вернуться к этому вопросу, да случай все не подворачивался.

– *СБГ весьма обширная структура даже для службы безопасности большой корпорации*, – продолжала Настя, не обращая внимания на явный сарказм со стороны Платона. – *Ее сфера деятельности распространяется на добрую половину Европы и Америки, и, думаю, она вряд ли уступает своему техническому оснащению службе безопасности Японии. Не таращишь так глаза, СБГ росла и развивалась параллельно с корпорацией гигантскими темпами. Соколов, безусловно, ведает всем, что связано с непосредственно безопасностью Меленкова, развитием военной базы «Сокол», всей внешней разведкой, и в этом ему равных нет. Но, к сожалению, есть и обратная сторона медали. Вот уже более пяти лет разрозненные структуры СБГ курируют операции крупных наркопоставок доброй половины трафика Золотого треугольника. Более того, более четверти рынка торговли оружием на территории африканских государств подвластна СБГ. Кто, по-твоему, следит за этой сферой деятельности службы безопасности, Соколов? Нет. Сомневаюсь, что Александр вообще об этом знает. Здесь его место занимает человек, о котором я могу поведать немного – бывший экстремист, организатор ряда терактов на территории стран бывшей СНГ в 90-х, с торговлей наркотиками связан еще раньше. Ни имени, ни фамилии, все только по поддельным документам. Редкой породы тварь, низость которой, наверное, ужаснет самого дьявола, этот человек связан с Меленковым вот уже десять лет. Превосходный боец, кстати, весьма здоровенная детина, правда, не Соколов. В определенных кругах прославился идиотским прозвищем Тони, в честь Тони Монтана, героя картины «Лицо со шрамом», где играл Аль Пачино, помнишь? Он на самом деле похож чем-то на Пачино, более того, имеет характерный шрам во всю левую щеку от удара топором. Наверное, это все, что я могу сказать про эту тварь.*

– И ты уверена, что именно он стоит за твоим убийством?

– *Уверенна, что именно через него Меленков все осуществил. Толя всегда использовал его для самых гнусных целей.*

– Страшные вещи ты говоришь. Я никогда не видел никого подобного, кто подходил бы под это описание.

– *Не сомневаюсь*, – подтвердила Алмазова, – *такие люди редко бывают на виду. Итак, к чему мы пришли – Соколов на выходные улетает в командировку, значит, рядом с Меленковым его не будет. Редкая удача. Хм.*

Она надолго замолчала, тщательно продумывая следующий шаг. Платон сидел в ожидании и боялся пошевелиться. Он тоже хотел бы сейчас плодотворно все обдумать и взвесить с пользой для дела, но понимал, что для этого обладает пока слишком скудным количеством информации. А сколько вопросов вертелось на языке!

Парковочные места Самсонова, как и парковочные места других членов совета директоров располагались напротив лифтовой площадки, наиболее удобно и близко, и все просматривалось здесь как на ладони. Пока они разговаривали, десятки людей прошли мимо, но вот уже долгое время лифт молчал, словно все желающие уже разъехались по своим делам. Платон вопросительно смотрел в сторону лифтовой площадки, словно ожидал увидеть что-то непредсказуемое. Это и случилось. Металлические двери распахнулись и оттуда вышел высокий качок в синих джинсах и красной обтягивающей майке. Платон вспомнил его, поскольку уже видел случайно утром в парадном холле корпорации, проходя мимо. Лицо его не было ему знакомым, но в первый раз Платон не обратил внимания на широкий шрам, который сильно уродовал в общем-то симпатичное лицо громалы.

– *Ты хотел увидеть Тони? Пожалуйста, он перед тобой*, – неожиданно сказала Настя.

– Глазам своим не верю!

– *Я тоже.*

– Как он здесь очутился? Точнее – что он здесь делает?!

– *Не имею никакого представления, – призналась Алмазова, – явно не на перекур вылез. Так бы и размазала его по стенке!*

Платон уже приготовился к тому, что автомобиль сейчас рванется с места, прижался в сиденье и даже потянулся рукой куда-то влево, словно инстинктивно хотел пристегнуться, но карательной атаки не последовало.

– *Но что он здесь забыл?! Он никогда раньше не появлялся в Сити, насколько мне известно. Ладно, посмотрим, что он будет делать, похоже, кого-то ждет, никуда не идет.*

И правда, Тони стоял, лениво прислонившись к стене и раскуривал сигарету, поглядывая на ладонь своей левой руки с таким интересом, словно хотел прочесть по ним всю свою судьбу.

Ждать пришлось недолго – через пару минут двери лифта вновь распахнулись, и оттуда с трудом, как всегда, высунулся Александр Соколов собственной персоной. При виде Тони он улыбнулся, и они по-братски обнялись, словно старые друзья, не видевшие друг друга много лет. У Платона просто челюсть отвисла, и, казалось, вытаращились глаза до безобразия. Каким-то чувством он был уверен, что Алмазова сейчас испытывает нечто подобное. Они проводили Соколова и Тони взглядами до громадного джипа Соколова, стоявшего неподалеку в отдельно выделенном боксе места на три, и, даже когда усевшись в машину, те покинули территорию парковки, еще долгое в салоне висела мертвая тишина.

Платон боялся пошевелиться, просто оцепенев. Всеми фибрами души он чувствовал напряжение, окутавшее все вокруг, и даже боялся, как бы от кипения гнева Алмазовой не воспламенился бензобак, и они не взлетели на воздух.

– *Сволочь, – яростно прошипела Настя.*

Платон вздрогнул, словно эти слова предназначались именно ему.

– *Предательская, гнусная тварь!* – это было сказано уже гораздо громче, и с каждым последующим словом Платон дергался из стороны в сторону, словно уворачиваясь от летящих пуль, а поскольку в следующие секунды Алмазова, распаляясь все больше и больше, выпустила в след уехавшего джипа такое количество отборной брани, от которой покраснел бы даже армейский прапорщик, то можно представить себе, какого ему было.

– Анастасия Викторовна! Хватит! – взмолился Платон.

– *Да, прости, прости меня Платончик, – словно переводя дух, извинилась она. – Просто за всю свою жизнь я не испытывала разочарования большие, а их было достаточно, поверь мне.*

– Одна увиденная сцена заставила тебя разочароваться в Соколове?

– *Не защищай его, Платон, – с большой грустью в голосе, ответила Настя, – ты сам все видел своими глазами, это не просто одна увиденная сцена – Соколов великий боец, но, повторюсь, никудышный актер. Это не было притворством, и не стоит больше говорить о нем, Бог ему судья. Нам следует сосредоточиться на другом. Теперь наша цель – Анатолий Меленков и его дьявольский план. А также последний теракт, который следует предотвратить любыми возможными способами. Будем действовать. Для начала, я познакомлю тебя со своим сыном и постараюсь узнать от него больше информации. Кстати, здесь мне понадобится твоя помощь.*

– Моя? Какая?

– *Не забывай, что о моем пребывании на земле в подобном образе знаешь только ты, и больше никто. Я расскажу тебе, что надо делать.*

– Но у меня еще столько вопросов осталось, а голова уже начинает раскалываться.

– *Потом-потом, все потом,* – нетерпеливо отрезала Настя, — *ты вернись сейчас на работу и постарайся довести все дела до конца как можно быстрее, потом возвращайся и поедem домой. Нам еще многое следует обговорить, а пока мне надо подумать.*

Платон кивнул, пробормотав нечто невразумительное, и некоторое время просидел молча, словно забыв от потрясения, куда собственно идти.

– *Эх, Сааша-Сааша, как ты мог так низко пасть. Великий воин, но никудашный актер,* – услышал Платон напоследок, но, ничего не ответив, покинул машину.

С возрастом у Алмазовой установилось непревзойденное чутье на людей и обстоятельства и, особенно, на фальшь, но если бы она знала, насколько ошибалась сейчас, ведь Соколов сыграл просто изумительно, не устоял бы даже сам Станиславский, если бы мог воочию оценить игру гиганта. Да, Соколов был никудашным актером, но именно сейчас он играл свою последнюю, но великую роль...

Глава 5

Эммануил Феликсович Красовский поставил пустую чашку ароматного кофе на небольшой журнальный столик, разложился на диване для гостей, свободно вытянув уставшие ноги, и продолжил изучать документы и отчеты по продвижению проекту «Новый Свет». Приземлившись в столице еще ночь назад, он с неудовольствием констатировал тот факт, что толком поспать не удалось, и вряд ли в ближайшее время удастся. Главной неприятностью прошлой недели, заставшей его на территории Соединенных Штатов, где он встречался с самим Джоном Рокфеллером, стала непредвиденная задержка в графике движения машин с цистернами уксусного ангидрида – совершенно беспрецедентный случай, который привел Красовского в ярость.

Когда узнали виновника всего этого, он хотел было разобраться быстро и жестоко, но звонить Соколову побоялся, поскольку о передвижениях грузов с подобным назначением руководителю СБГ ничего известно не было, а дозвониться до Тони Эммануилу Феликсовичу не удалось: проклятый итальяшка (почему-то так привык он называть Тони, хотя тот был русским не меньше любого представителя древней общины полян) скакал где-то по Саудовской Аравии и был недоступен. В общем, Михаилу Олеговичу изрядно повезло, если честно.

Разумеется, Красовский поставил в курс дела Меленкова, который оказался менее кровожаден в своих замыслах, и смог все уладить более гуманными способами через Самсонова.

У Красовского отлегло от сердца, правда, уже на следующий день выяснилось, что большую часть товара, прилетевшую из Бразилии, задержали в аэропорту Шереметьево въедливые таможенники. Там находились весьма дорогостоящие запчасти для оборудования, предназначенного для переработки уксусного ангидрида и много других, сопутствующих дьявольским целям агрегатов. Если бы Эммануил Феликсович, совершенно озверевший от постоянных неудач, мог бы только предположить, что и за этой стоит Макаров-старший, принял бы меры тотчас же и бесповоротно.

Михаил Олегович, в свою очередь, после того, как был посвящен в дьявольские планы Голиафа, сложа руки не сидел, решив хоть чем-нибудь, но напакостить врагу, конечно, особо не рискуя и не высываясь наружу. Для этого у старика был весьма обширный и изощренный опыт, собранный на территории бывшего СССР, и созревший в лучах потока всех глобальных потрясений, случившихся в России за последние двадцать лет.

Несмотря на весьма ничтожную должность формально, Макаров-старший обладал большим авторитетом и уважением, имел поддержку в самых разных кругах, и мог относительно безопасно собирать необходимую ему информацию, чем не замедлил воспользоваться. Выяснить про летящий груз из Бразилии не составило труда, поскольку это не было, в принципе, секретной информацией, ведь строительство такого проекта, как «Новый Свет», носило практически народный оттенок. Разумеется, никто не знал о характере поставляемых грузов, да и Макаров-старший этого выяснить не сумел, но внутренне чувствовал, что это именно то, что нужно.

Аккуратно подергав за нужные человеческие механизмы, проведя в жизнь несколько мелких интриг, ему удалось сосредоточить таможенное внимание на ожидаемом грузе, который изначально не должен был подвергаться осмотру вообще, поскольку относился к государственным заказам.

Понимая, что этим он ничего не добьется, ведь масштабы предполагаемого заговора превышали все должностные полномочия известных ему людей, он, тем не менее, хотел пощекотать немного нервы этим вырождакам, решившим превратить народный город в обиталище смерти. Привлекать СМИ к подобного рода событиям он не решился по нескольким причинам: во-первых, все известные медиа-группы контролировались «Голиафом» и были у Меленкова как на ладони, поэтому действовать там, где тебя могут с легкостью вычислить Макаров-старший не стал, а во-вторых: любые второсортные, пусть даже интеллектуально исключительные,

но непопулярные в народе газеты и журналы были настолько бесполезны в плане возможного ущерба Меленкову, что Михаил Олегович даже и не старался их привлекать.

И вот сейчас Эммануил Феликсович находился в сквернейшем расположении духа, поскольку был срочно вызван из деловой поездки самим Меленковым, который напрочь отказался решать эту проблему самостоятельно, а также привлекать к ее решению кого-либо другого.

Первым делом Красовский позвонил начальнику аэропорта Шереметьево, затем своим людям в таможне, немного затронул чиновников, аккуратно потревожил одного из заместителей мэра столицы, в общем, товар с легкостью пробки из-под шампанского вылетел из аэропорта в сторону стройки «Нового Света».

Быстренько распотрошив мелкие проблемы и недостатки, которые не затруднили скопиться за время его отсутствия, Эммануил Феликсович растянулся на диване, уставшими глазами сверля потолок. Он терпеливо ждал выполнения одного из тех щепетильных заданий, о которых вслух не говорят, но которые обязательно сопровождают судьбы людей, подобных Красовскому.

Дело в том, что пару дней назад, когда только-только решили проблему с чертовыми грузовиками, охрана «Нового Света» заприметила легковую машину, слонявшуюся неподалеку. И не то чтобы это было каким-то особым событием, напротив, любопытных зевак легендарной стройки всегда было хоть отбавляй, но обитатели этой машины, казалось, располагали совсем нездоровым интересом к объекту. Двое из них даже пытались проникнуть внутрь, представившись репортерами газеты, названия которой не запомнил ни один охранник, и чуть не получили за это по морде. После проверки номеров оказалось, что машина зарегистрирована на одну подставную фирму-помойку для обналичивания капиталов неизвестного происхождения. Это насторожило Красовского не на шутку, тем более что после случая с грузовиками и аэропортом он и так был насторожен хуже некуда.

Отыскав наконец-то Тони, этого проклятого дьявола, он поручил ему разыскать злосчастную машину с ее обитателями и выяснить, кто они такие и что им, черт побери, нужно. Ситуация осложнялась тем, что незваные гости больше не появлялись, однако для Тони и его головорезов отыскать иголку в стоге сена, называемого столицей, редко составляло особого труда.

Красовский уже хрипел от негодования и нетерпения, мысленно представляя, как Тони потрошит на куски любопытных червяков, выбивая необходимые ему вопросы, когда посыльный СБГ сообщил ему совсем противоположную информацию – нужная фирма была ликвидирована решением учредителя, коим оказался некий Рамшан Джураев, между прочим, почетный обитатель площади трех вокзалов, а необходимую машину обнаружили на одной из свалке металлолома, причем после солидного прессы.

Любопытные умело замели свои следы, зато недвусмысленно дали понять, что были не просто репортерами, и имели совсем небезобидный интерес к «Новому Свету».

– Ну у вас же есть их фотографии! – взбесился Красовский, который вообще мало умел управлять своими эмоциями, если рядом не находилось людей выше его по статусу.

– Разумеется, камеры наружного наблюдения записали их сполна, – спокойно отвечал сотрудник СБГ, – но кроме лиц, у нас нет ровным счетом ничего, а наличие лишь этой информации значительно затрудняет поиск людей, которые, по большей части, не обладают какой-либо незаурядной внешностью. Несомненно, мы будем продолжать поиск, и целая группа людей в данный момент сосредоточена на этом. Как только появится новая информация, я доложу.

Едва заметно кивнув, сотрудник СБГ скрылся за дверью, оставив Эммануила Феликсовича наедине со своими мыслями. Непроницаемый взгляд уставших и больных глаз долго не пропускал дневного света, словно черная пелена заслонила поток роящихся мыслей. Долго Красовский не поднимался со своего удобного дивана, никому не звонил, не брал в руки новой

кипы бумаг, не просил очередной порции кофе, а напряженно думал и думал и думал, пытаюсь найти хотя бы маленькую ниточку, которая помогла бы ему распутать весь этот клубок дерьма, опутавший его в последние дни. Черт знает, до чего ему удалось дойти в своих умозаключениях, но когда он спрыгнул с дивана, размяв затекшую спину, и дотянулся до телефона, стоящего на столе, то сделал лишь один звонок.

– Соберите мне как можно больше информации о Михаиле Олеговиче Макарове.

Платон уже разобрался со всеми делами и собирался уходить, когда раздался телефонный звонок.

– Платон, мой мальчик, ты еще здесь? – спросил Меленков.

– Да, Анатолий Петрович, здравствуйте, – ответил Платон, которого почему-то пробрала дрожь от знакомого голоса.

– Заскочи ко мне ненадолго.

Не предчувствуя из этого ничего хорошего, он поднялся на лифте и дошел до личного кабинета президента корпорации «Голиаф», самого роскошного из всех кабинетов, которые он когда-либо видел. На самом входе он столкнулся с выходящим Красовским, который коротко кивнул и двинулся по направлению к лифтам. Это не понравилось Платону еще больше.

Меленков сидел на своем необъемном кремле и разглядывал монитор необъемного экрана, на котором менялись просто фантастические виды океанских островов и пейзажей.

– Садись, мой мальчик, – поприветствовал он Платона, – будешь кофе? Нет? Как хочешь. Вот, смотрю рекламные проспекты, хочу на старость лет приобрести несколько островов. Чувствую, что когда-нибудь мне очень захочется отойти от всего и держаться подальше от людей и цивилизации, так я от всего устал.

Платон нахмурился при этих словах, понимая совсем не тот смысл, который, несомненно, вкладывал в них Голиаф, чьи глаза и правда выражали просто неизмеримую усталость и грусть.

– С вами все в порядке? – выдавил из себя Самсонов.

– А, – махнул рукой Меленков, – бывало и лучше, но ничего, все пройдет, и это тоже. Скажи мне лучше, как ты жив-здоров? Полностью оправился?

– Да, вполне, спасибо.

– Как машина? Ничего странного в ней больше не замечаешь?

Почему-то всегда, когда вопрос касался этой темы, Платону становилось сильно не по себе.

– Нет конечно, да я и раньше, если честно...

– Знаю-знаю, просто спросил. Нам пришлось предоставить тебе небольшую охрану на некоторое время, потому что были опасения. Надеюсь, тебя не слишком это напрягло?

– Нисколько – Юра безупречный телохранитель и исключительный человек.

– Я в этом не сомневаюсь, – улыбнулся Меленков той странной улыбкой, которая всегда приводила в недоумение подчиненных. – Сейчас, когда все пришло в прежнее русло, мне необходимо знать, что все мои ближайшие помощники находятся в полном порядке, поэтому хотел обратиться к тебе с одной исключительной просьбой – если что-нибудь увидишь подозрительное,стораживающее, не смей откладывать и сообщи сразу Соколову. Обещаешь?

– Конечно, – кивнул Платон. – Я не враг своему здоровью. А что, по-прежнему есть чего опасаться?

– Ты занимаешь весьма важное положение в обществе и в корпорации, – философски заметил Анатолий Петрович, – поэтому тебе всегда есть, чего опасаться. Если ты хочешь, мы возобновим твою охрану.

– Нет, в этом нет необходимости, – поспешно ответил Самсонов, понимая, что только посторонних ушей и глаз ему сейчас очень не хватает. – Хотя, есть одно пожелание, если это будет возможно.

– Говори.

– Юра дал мне пострелять из уникального пистолета, рождение некоего изобретателя Алмазова, о котором я никогда раньше не слышал, если честно, но не в этом суть. Я мечтал бы иметь такое оружие в своем распоряжении, и мне, безусловно, было бы гораздо спокойнее вместе с ним.

Меленков задумался, и некоторое время молчал, не меняясь в лице.

– Я слышал, что ты отличный стрелок, – сказал он, наконец. – Откуда такие способности?

– Если честно, то от природы, – искренне признался Платон, – с детства обладал потрясающей меткостью, и годы жизни и армия внесли свои коррективы.

– Я потрясен. Юра оценил твое владение оружием на пятерку, а он в этом знает толк, поверь мне.

– Спасибо, я польщен, так как насчет пистолета?

– Думаю, ничего в этом страшного нет – получишь свой пистолет. Загляни к Демидову минут через пятнадцать, я дам распоряжение, только будь осторожен с этим.

– Обязательно, – улыбнулся Платон, словно ребенок, в ожидании дорогого подарка.

Обменявшись еще парой ничего не значащих фраз, он покинул Меленкова, внутренне ликуя, что не попал в сети очередного срочного задания, связанного с работой, а то и чего еще похуже.

Бесцельно побродив по этажам корпорации, чтобы скоротать время, он заглянул напоследок в свой кабинет, словно желая убедиться, что там все спокойно, и направился к Демидову.

Тот сидел за полукруглым столом, смотря в огромный монитор, и периодически раздавал кучу непонятных Платону команд, как и Соколов, словно общение между сотрудниками СБГ происходило на другом языке.

– А, Платон Сергеевич, садитесь куда-нибудь, сейчас принесут то, чего просили.

Ждать пришлось недолго.

Один из работников СБГ вошел в кабинет Демидова и передал тому небольшой чемоданчик с кодовым замком. Быстро кивнув Платону, он, ничего не говоря, так же быстро покинул кабинет.

– Ну, получайте игрушку, – усмехнулся Демидов, – кодовый замок четыре нуля, но можете установить любой по вашему усмотрению. Боевая единица – одна штука, плюс четыре дополнительных магазина объемом пятнадцать патронов в каждом. Если понадобятся еще, только дайте знать. На всякий случай, там лежит еще быстро стряпанная корочка с вашей фотографией, на случай если попадетесь в лапы закона, но пользуйтесь ею только в крайнем случае, а лучше звоните сразу мне.

– Хорошо, – ответил Платон, с замиранием сердца поднимая пистолет и рассматривая его со всех сторон, словно не мог налюбоваться.

– Я видел такой взгляд у своего ребенка, которому купил автомобиль с радиопультотом, – рассмеялся Демидов, смотря на горящие глаза Самсонова. – Но будь осторожны с этим.

Платон кивнул, искренне поблагодарил Демидова, аккуратно сложил подарок в чемоданчик, и, внутренне счастливый, покинул кабинет, спустившись на подземную парковку.

Увидев собственную машину, он отметил про себя, что постоянно старается заметить, стоит ли та на прежнем месте или переместилась на другое.

– Тебя долго не было, что-нибудь случилось? – спросила Настя, когда Платон уселся за руль.

Он подробно рассказал о встрече с Меленковым и похвастал новым приобретением.

– Это детище моего сына, – не без гордости в голосе заметила Алмазова, – кстати, я созвонилась с ним и завтра, как только он вернется в Москву, мы должны встретиться.

Платон почувствовал небольшое волнение.

– Ты должен мне помочь, помнишь?

– Да, конечно, – вздохнул он, – боюсь, этим я буду заниматься до конца своей жизни.

– *Не думаю*, – вполне серьезно ответила Настя, – *твоя смерть, пусть даже от рук помощников Меленкова, в мои планы не входит.*

– Ты серьезно? Неужели ты и правда думаешь, что после того, что ты задумала, мне удастся остаться в живых? – Платона вдруг обожгла неизбежная реальность, словно раньше он об этом и не думал.

– *Я обещаю тебе, что сделаю все для того, чтобы этого избежать. Но если ты ищешь причину умыть руки пока не поздно, не думай, что буду умолять тебя остаться.*

– Нет, это не правда, – грустно ответил он, задетый за живое, – я не смог бы отойти от всего этого, даже если бы страстно хотел.

– *Хорошо*, – ответила Настя, и в ее голосе чувствовалось облегчение, – *я рада, что у меня такой помощник и повторяю, что приложу все усилия для того, чтобы уберечь тебя.*

Отбрось дурные мысли, настройся на дело, и все будет хорошо. С нами Бог, а это, поверь, серьезная поддержка. Теперь домой?

Платон кивнул, и они покинули территорию Сити.

– Что будем делать? Есть предложения? – спросил он по дороге.

– *Пока только ждать. Мне очень нужно поговорить с сыном завтра, от этого многое будет зависеть.*

– Да? Что же, например?

– *Мне необходима информация по последнему теракту, и он может ее достать.*

– Не буду спрашивать, каким образом, но, надеюсь, он это сделает. Правда, я пока очень слабо понимаю, как мы сможем остановить это безумие, даже если будем точно знать день и час. Позвоним в милицию?

– *Не говори чепухи, Платон. Мы должны предотвратить его, а не показать видимость. Неужели ты до сих пор не осознал, кто перед нами стоит? Но если тебя интересуют детали, то потерпи – в этом мне также должен помочь мой сын.*

– Хорошо, итак – вся надежда теперь только на него. А что ты имела в виду, когда говорила, мол, как хорошо, что Соколова не будет с Меленковым рядом в эти выходные? – сам сказал, и сам почувствовал, как холодеет кровь.

– *Думаю, ты и сам смог понять ход моих мыслей, но, боюсь, еще слишком рано.*

– Рано для чего? Для того, чтобы убить великого Голиафа? Если эта теперь главная задача, которая не дает мне спать и есть, да и вообще жить, то долго мы ее будем откладывать еще?

– *Не торопись, спешка здесь недопустима. Ты так говоришь, что убить Меленкова как комара прихлопнуть, проще простого? Неужели ты действительно так думаешь? Разумеется, ты смог бы спокойно пройти к нему в кабинет и простелить ему голову, потеряв и свою. Но разве ты смог бы это сделать?*

Платон даже оцепенел от такой перспективы, и признался себе, что на такое он никогда бы не пошел, и совсем не из-за страха за собственную жизнь.

– Я не смог бы этого сделать.

– *Я так и думала, и, в общем-то, не собиралась давить тебя в этом направлении, ведь, повторяю, в моем сценарии ты останешься жив.*

– Хотелось бы верить, – искренне признался Платон.

– *Вот и хорошо, но не стоит торопиться, хотя времени у нас и маловато. Запомни, Меленков – моя цель.*

– Да? И что ты хочешь сделать с ним? Задавить?

– *Не совсем, но ты понял ход моих мыслей.*

– Ты серьезно? Я вообще-то, шутил.

– А я нисколько, – жестко ответила Настя. – Единственная возможность убить его в моем состоянии, это подорвать весь его чертов кортеж.

Платон похолодел.

– Но ведь это невозможно, – почти шепотом сказал он. – Там же десятка два машин будет, плюс сопровождение, и практически все такой брони, что мама не горюй.

– Во-первых, Меленков не всегда передвигается в столь массивной компании, и ты был свидетелем тому, когда схватил его пулю там, на заправке. А по поводу непробиваемости его машин, то в этом мне также должен помочь мой сын.

Платон не нашелся что ответить, настолько был шокирован.

– Странно, ведь этот вариант настолько очевиден, что я вообще о нем и не думал даже.

– Бывает, – поддержала Настя, – не переживай. Нам главное просчитать и остановить последний теракт и сохранить твою жизнь. Кстати, по этому поводу я уже думала.

– По какому конкретно? – насторожился Платон.

– По поводу твоей жизни, глупенький. Как ты понимаешь, тебе придется исчезнуть навсегда.

– Да уж, если получится.

– Денег у тебя, безусловно, достаточно, но все они хранятся на подконтрольных корпорации счетах, и ты, почему-то, совсем не накопил заначек за эти годы.

– Откуда ты все это знаешь?

– Еще не так давно я была жива, не забывай, и, безусловно, старалась контролировать людей, ближайших к Меленкову. Но забудем об этом. Не рекомендую тебе прикасаться сейчас к своим деньгам и делать ощутимые переводы, чтобы жить на них потом. Вообще будет лучше, если ты о них забудешь.

– Забыть? Но ведь там почти сотня миллионов евро?! – животное чувство собственности обожгло Платона.

– Не об этом сейчас думать должен, – прервала его Алмазова, – ты, как выяснилось, не слишком большой кутила, скорее дракон, который собрал в кучу море золота и возлег на нем. В отличие от тебя, я была немного умнее, и смогла укрыть пятнадцать миллионов евро даже от Меленкова, и, как видишь, это нам пригодилось. Эти деньги хранятся в национальном банке Дубая, куда ты должен отправиться сразу, как только мы закончим здесь.

– В Дубай? – удивился Платон.

– Да, в суматохе, которую поднимут Соколов и Комитет, там тебя не должны искать первое время. После того, как заберешь деньги, которых, думаю, тебе хватит до конца жизни, отправляйся на остров в Карибском бассейне, координаты я тебе передам. Это наш с Толей остров, и никто о нем больше не знает, кроме верной прислуги, что выбирается иногда на материк за едой. Просто райский уголок, где есть все необходимое для жизни, даже склад самых различных консервов на несколько лет вперед и ядерный бункер на случай войны.

– Странно, зачем на острове бункер? – удивился Платон, словно и всего пересказанного уловил только это. – Ведь если по нему шарахнут ракетой, то он просто пойдет ко дну.

– Хорошо уловил, только вот кому надо тратить целую боеголовку на пустой остров, не подумал? Бункер там для того, чтобы укрыться от радиации, если будет необходимость.

– Хорошо, и что ты прикажешь, до конца жизни сидеть на этом острове, как Робинзон Крузо?

– Я вообще тебе ничего не приказываю, – ответила Настя, – просто предлагаю разумный вариант. Далее тебе решать – можешь вообще туда не соваться, сиди себе в Эмиратах, или езжай куда глаза глядят.

– Да, в Россию мне дорога будет закрыта.

– Боюсь, что да, по крайней мере, на ближайшие годы. Формально ты погибнешь, по крайней мере, для родных и друзей.

– Родных у меня нет, и это должно быть тебе известно. А вот с друзьями, конечно, сложнее.

– Понимаю, но тебе придется о них забыть, и поверь, это ради их собственной безопасности.

– Головой я это понимаю, а вот сердцем не могу, – тоскливо вздохнул Платон. – Не будем пока об этом. Давай поговорим о деле. Как я понял, до завтрашней встречи с твоим сыном мы практически ничего не можем предпринять и даже придумать.

– Совершенно верно.

– Хорошо, тогда вернемся к рассказу о Комитете. Ты говорила, что главная их центральная сила – Федеральный Резерв США. Что это за организация?

Настя ненадолго задумалась, словно собирая мысли.

– Самое главное, что тебе необходимо знать – это то, что Федеральный Резерв контролирует выпуск американской валюты, и, соответственно, имеет рычаги для ее обесценивания, если потребуется, что он и делал не раз за последние сотню лет.

Если тебя интересует его история, тогда слушай.

«Акт федерального резерва» – законопроект о создании центрального банка в Америке, написан на частном острове Моргана Джэкил, возле побережья Джорджии в 1910 году. Поскольку правительства и народ были против создания такого банка, Джон Морган ранее посеял панику в банковской сфере, распуская слухи о скором банкротстве одного из ведущих нью-йоркских банков. Представь себе, что это породило – люди бросились спасать свои вклады, требуя возврата своих денег у банка. Тот, в свою очередь, стал требовать возврата долга у своих должников, которые, в свою очередь стали продавать все, что у них было, лишь бы рассчитаться. Все это породило целую сеть банкротств и вызвало массовые беспорядки. Правительство вынуждено было создать комиссию по расследованию, которую возглавил сенатор Нельсон Олдрик. Он и внес предложение о создании центрального банка. Позже Олдрик станет членом семьи Рокфеллеров через брак.

Вудер Вильсон, который стал президентом благодаря финансовой поддержки банкиров, подписал этот законопроект в 1913 году. Позже Вильсон напишет, что раскаивается в произошедшем и осознал, как помог банкирам поработить американскую экономику. Он же скажет, что его правительство оказалось самым безвольным, самым подвластным и подконтрольным в мире, правительство под властью небольшой кучки людей.

Первый эксперимент федерального резерва был проделан мгновенно, с 1914-го по 1919-й годы он увеличил денежную массу в обращении на 100% и раздал кучу ссуд мелким банкам, а в 1920-м резко потребовал инкассации излишней денежной массы, что породило очередные банкротства, панику, кризис. Представь себе, что более 5400 мелких банков, живущих вне федеральной системы, обанкротились. Годом спустя конгрессмен Чарльз Линдберг сказал, что акт федерального резерва дает возможность создавать кризисы на научной основе. Нынешний кризис – первый спланированный и рассчитанный как математическое уравнение. Но паника 1920-го была только разминкой. С 1921 по 1929-й федеральный резерв снова увеличил денежную массу, что привело к росту займов банками и частными лицами. Также появился новый вид кредита на рынке акций, так называемый моржевой займ. Если просто, то моржевой займ позволял инвестору внести лишь десять процентов акций, а остальные девяносто он оставался должен брокеру. Он был безумно популярен в двадцатые годы, поскольку все играли на рынках акций. Но в этом займе есть одна хитрость – брокер в любой момент может потребовать уплаты долга, и его нужно вернуть в двадцать четыре часа. Это называлось моржевским требованием, и обычно оно вызывало продажу акций, купленных в кредит. Итак, за несколько месяцев до октября 1929-го года Джон Рокфеллер с коллегами тихо-мирно ушли с рынка акций, а 24 октября 1929-го нью-йоркские брокеры, которые выдавали моржевые займы, стали массово требовать уплаты по ним. Все стали быстро избав-

латься от акций, купленных в кредит, и это, разумеется, снова вызвало нехватку денежных средств. В итоге обанкротились уже шестнадцать тысяч банков, а члены Комитета смогли скупить большинство конкурентов и просто крупных компаний за сущие копейки. Величайшее ограбление за историю Америки, но на этом все не закончилось – вместо того, чтобы увеличить денежную массу, чтобы выйти из экономического кризиса, Федеральный Резерв, напротив, сократил ее, что привело в величайшей депрессии за всю историю.

Сенатор Луис Макфадон, который уже давно выступал против международных банковских картелей, во всем обвинил руководство федерального резерва и потребовал их отставки. Неудивительно, что после двух неудавшихся покушений Макфадон был отравлен.

Теперь, когда общество было разорено, банкиры решили, что надо бы отменить золотой стандарт. С этой целью они решили собрать оставшееся в государстве золото. Так, под предлогом борьбы с последствиями депрессии была объявлена массовая конфискация золота. Под страхом десятилетнего тюремного заключения каждый американец должен был сдать все имевшиеся слитки золота в казначейство. Так народ обчистили от последних позитивов. В конце 1933-го года золотой стандарт был отменен, и на всех купюрах после 1933-го исчезла надпись, что они обеспечены золотом. Сегодняшний доллар – просто макулатура. Единственно, что дает деньгам ценность – это количество их в обращении, поэтому власть управлять выпуском денег есть власть регулировать их ценность, и этой властью можно поставить на колени целые государства и их экономики. По сути, Федеральный Резерв является государственным лишь постольку поскольку, он, безусловно, был скопирован с центрального банка Англии, из-под власти которого американцы уходили с кровью революций, но действует лишь в интересах кучки людей.

Вообще грабёж экономики есть лишь одна из сторон жизни Федерального Резерва. Другая сторона – это войны. Хозяева федерального резерва искали любые предлоги, лишь бы вступить в любую крупную войну, и даже когда правительство и народ были против, они придумывали самые изощренные способы, лишь бы склонить обстоятельства своей воле.

Взять для примера первую мировую войну, которая была начата практически с первым годом жизни федерального резерва. Президент Вильсон тогда объявил нейтралитет. Полковник Эдвард Хаус, помощник и наставник президента Вильсона, был тесно связан с Комитетом. История сохранила момент разговора его с сэром Эдвардом Греем, министром иностранных дел Англии, в которой Грей спрашивает, что будет делать американский народ, если Германия потопит океанское судно с американцами на борту? Хаус ответил, что волна негодования захлестнет США и этого будет достаточно, чтобы вступить в войну. 7 мая 1915-го не без содействия сэра Эдварда Грея, корабль Лузитания был намеренно отправлен в воды, находящиеся под контролем немецкого военного флота. Как и предполагалось, немецкая подлодка торпедировала корабль, в результате чего погибли 1200 человек. США вступила в войну, что стоило американцам сотни тысяч жизней. Джон Рокфеллер заработал на этой войне 200 миллионов долларов, и это не считая 30 миллиардов американских расходов на войну, а большинство этих денег было занято из федерального резерва под процент.

Платон слушал все затаив дыхание и не перебивая, словно смотрел документальный фильм.

– Вторая мировая война, – продолжала Настя. – Атака на Перл-Харбор, послужившая причиной вступления США в войну. Президент Рузвельт сказал тогда, что этот день останется днем бесчестия. Лишь только спустя шестьдесят лет всплыли факты, подтверждающие, что не только было известно о нападении, но и сам факт его был провокацией. Не стоит забывать, что семья Рузвельта владела банками в Нью-Йорке начиная с восемнадцатого века, а его дядя Фредерик был в составе совета федерального резерва, поэтому ему было выгодно начать войну. За месяцы до нападения на Перл-Харбор Рузвельт сделал все возможное для того, чтобы разозлить японцев своими агрессивными выпадами – он прекратил все

американские поставки нефти в Японию, он заморозил все японские активы в США, он делал публичные займы Китаю и направлял военную помощь Великобритании, которые были врагами Японии по войне. Вообще такие выходы противоречат международным нормам ведения войны. А четвертого декабря, за три дня до нападения, австралийская разведка предупредила Рузвельта о японских кораблях, движущихся на Перл-Харбор. Он игнорировал это, и, как и планировалось, седьмого декабря Япония напала на Перл-Харбор, убив две тысячи четыреста солдат. До Перл-Харбора восемьдесят три процента американцев не хотели вступать в войну; после Перл-Харбора один миллион вступили в армию добровольцами.

Важно понимать, что своей военной мощью нацистская Германия обязана двум организациям, одна из них – И. Г. Фабрен. Она производила более восьмидесяти процентов немецких взрывчатых веществ, а также «циклон Б», которым уничтожались миллионы в концлагерях. Одним из неназванных партнеров И. Г. Фарбен была компания Джона Рокфеллера «Стандарт Ойл». На самом деле германская авиация не смогла бы летать без продукции «Стандарт Ойл». Бомбардировка Лондона фашистской авиацией стала возможна благодаря продаже «Стандарт Ойл» нефти немецкой И. Г. Фарбен на двадцать миллионов долларов. Это лишь малая часть того, как Комитет поддерживал обе стороны в войне. Другая предательская организация, достойная упоминания – нью-йоркская «Юнион банкинг». Она не только во многом финансировала приход Гитлера к власти, и не только занималась военными поставками – через нее отмывались нацистские деньги. Позднее было подтверждено наличие миллионов нацистских долларов на нее счетах. На «Юнион Банкинг» был наложен арест за ведения операций с противником во время войны. Кто же был директором и вице-президентом этого банка? Прескотт Буш, отец Джорджа Буша-старшего, и дедушка Джорджа Буша-младшего.

Вьетнам. Официально объявление войны США северному Вьетнаму в 1964-м предшествовал инцидент, когда вьетнамские подлодки атаковали эсминцы США в Танкинском заливе (Танкинский инцидент). Главная проблема состоит в том, что атак на американские эсминцы никогда не было. Это была специально подстроенная акция, чтобы нашелся предлог для войны. Бывший министр обороны Роберт Макнамара много лет спустя заявил, что Танкинский инцидент был ошибкой, хотя многие другие участники событий признавались, что это был умышленный обман. Как только началась война, начался и бизнес. В октябре 1966-го президент Линден Джонсон ввел ограничения на торговлю с СССР, прекрасно понимая, что ими поставлялось более восьмидесяти процентов вооружений для северного Вьетнама. Как следствие – Рокфеллер заинтересовался финансированием советских заводов, с которых шли поставки военного вооружения для Вьетнама. Но финансирование обеих сторон в этом конфликте лишь одна сторона медали. В 1985-м были рассекречены вьетнамские правила ведения боевых действий. Там описывалось, что могли и что не могли делать американские военные во Вьетнаме. Среди многих нелепостей, к примеру, американским войскам запрещалось бомбить вьетнамские противовоздушные системы до тех пор, пока не была установлена их полная дееспособность, запрещалось преследовать противника, если он пересекал границы Лаоса и Камбоджи, но самое удивительное, что важнейшие стратегические цели не разрешалось атаковать без приказа высшего командования. Более того, об этом знали сами вьетнамцы, которые и разрабатывали свою стратегию, используя слабые стороны противника. Поэтому война длилась так долго...

Целью была не победа, а сам факт войны, на которой грел руки проклятый Комитет. Миллионы вьетнамских жизней положили на алтарь бизнеса.

Если кратко, то я поведала тебе суть и природу Федерального Резерва. Остальное, думаю, ты и сам знаешь, ведь следом последовали Югославия, Башины Близнецы, Афганистан и Ирак, и это далеко не предел.

Однако то, перед чем сейчас стоят члены Комитета, в несколько раз превосходит все их преступления перед миром вместе взятые. И все это они смогут совершить только с помощью Анатолия Меленкова.

Платон кивнул, не в состоянии вымолвить ни слова. Он не перебивал Алмазову в течение всего рассказа, разве что вставлял неуместные звуки «ни хрена себе» и прочие нецензурные фразы, порой хватаясь за собственный язык. Сейчас же он просто онемел, мысленно спрашивая, когда же наконец поступающая от Насти информация перестанет поражать его подобно удару молнии.

– Здесь, недалеко по дороге есть один японский ресторанчик, – произнес он вскоре.

– *Хочешь пригласить меня на ужин?*

– Ты проголодалась? Надо заехать на заправку, – наверное, он хотел так пошутить, но самому было не до смеха.

– *Давай-давай, издевайся.*

– Прости, пожалуйста, я сильно проголодался, и хотел бы перекусить.

Машина остановилась на гостевой парковке ресторана.

– *Много не пей.*

Платон на радостях, едва только сел за столик, заказал кучу ролов и пива, которые проглотил совместно довольно быстро. Когда голод немного отступил, он стал поглощать деликатесы немного медленнее, и под конец почувствовал себя на порядок лучше. Выпивать он не боялся, поскольку сам машину не вел и поэтому не рисковал попасть в аварию. Гаишников опасаться тоже не стоило, ведь с такими номерами, как у него, остановить может лишь слепоглухо-немой страж порядка. После того, как на полукруглом деревянном подносе в виде кормовой части корабля не осталось ничего съестного, Платон заказал несколько порций тирамису и чизкейков, словно хотел загубить внутреннюю катастрофу обилием сладостей. Нельзя сказать, получилось ли это, но в желудке воцарился полный порядок.

– *Как самочувствие?* – спросила Настя, как только он устало растянулся на водительском сиденье.

– Хорошо, довезешь меня до дома?

– *С удовольствием. Надеюсь, тебе лучше.*

На улице уже стемнело, но облака, каким-то невероятным образом продолжая отдавать белизной – редкость для Москвы, тем более в вечернее время – чудесно наполняли хмурый небосклон своим контрастом, медленно проплывая куда-то вдаль, пополняя ряды вечных странников. Температура воздуха заметно спала, не хватало только небольшого дождика, который бы смыл пыльную завесу столицы и немного освежил задыхавшиеся улицы.

– Завтра мы встречаемся с твоим сыном, – сказал Платон, словно хотел просто констатировать факт, – а во-сколько?

– *Он прилетает рано утром, в семь часов.*

– Встретим его в аэропорту?

– *Нет, он прилетит на частный аэродром СБГ, а нам там светиться не стоит. Я договорилась встретиться в девять часов возле Триумфальной Арки. Мне понадобится твоя помощь, пока он не привыкнет воспринимать меня в таком состоянии.*

– Боюсь, на это понадобится слишком много времени, ведь даже я не могу привыкнуть общаться с тобой вот так.

– *Не язви – ты понял, о чем я.*

Некоторое время они ехали молча, думая каждый о своем. Голова Платона с приходом алкоголя стала соображать даже быстрее, поскольку градус помог снять определенную долю напряжения.

– Скажи, – встрепенулся вдруг он, словно невидимая мысль атаковала внезапно, – раньше ты говорила, что Соколов непричастен к тому, что с тобой произошло. Теперь ведь ты так не считаешь?

Настя долго не отвечала.

– Да, ты прав, не считаю, но я не хочу об этом говорить сейчас, – в словах Алмазовой словно слышалась большая горечь, или это уже дорисовывалось автоматически в воображении Платона.

– Хорошо, не будем. Но ведь ты собираешься отплатить и ему?

– Ему? С чего ты взял? – удивилась она. – Меня оставили на этом свете не для пустой и глупой мести. Нет, я должна предотвратить с твоей помощью надвигающуюся катастрофу, а Соколов и без меня заплатит за все свои грехи. Разумеется, если он будет находиться рядом с Меленковым в тот момент, когда осуществиться мой план, я не буду в большой претензии.

– Понимаю, – Платон признал разумность этих слов, и тут же ухватился за другую мысль, абсолютно не связанную с первой. – Скажи, а вот эти легендарные бойцы подразделения «Контра», они...

– Да-да? – подбодрила его Настя.

– Они и в правду так хороши, как ты говоришь? Просто мне довольно тяжело представить себе таких суперлюдей в нашем мире, не на телеэкране.

– Согласна, тяжеловато. Но они и впрямь совершенны настолько, насколько может быть совершенен современный воин. Я никогда особо не вникала в методики их обучения, все-таки не совсем моя сфера, но и то, что успела уловить, поражало. Например, их практически нельзя застать врасплох или поразить со спины, даже в полной темноте, разве что шальной пулей.

– Это как так? – не поверил Платон. – Они что, от пуль уклоняться могут?

– Разумеется, они не быстрее пули, но почувствовать опасность и принять меры это они успеют, не сомневайся.

– Все равно не понимаю, у них что, чутье как у Человека-паука?

– Несмотря на то, что ты привел довольно смешной пример, оказался гораздо ближе к истине, чем думаешь. Чувства у них развиты и впрямь восхитительно. Проблема в том, что мы, простые смертные, мало знаем о способностях человека, скрытых изнутри. А в отличие от нас, Александр Самсонов, отец и создатель «Контры», заметно продвинулся вперед в этом направлении.

– Все равно я слабо понимаю о том, что ты хочешь сказать.

– Возможно, ведь я и сама в этом не специалист, повторюсь. Зато я видела своими глазами как один боец «Контры» расправился с тридцатью соперниками одновременно. Это происходило на территории одного из тренировочных пунктов СБГ, рассчитанных исключительно для «Контры». Чего там только нет, ты бы видел! Я была там несколько раз, и видела то, о чем сейчас тебе рассказываю. Противостоя большому количеству соперников, причем вооруженных битами и ножами, всего один из бойцов легендарной «Контры», не имея при себе ничего, вышел из схватки победителем.

– Он что, убил тридцать человек? – ужаснулся Платон.

– С ума сошел? Зачем убивать, это же тренировка? Хотя, при необходимости, смог бы и убить. В тот раз его задачей была вывести противника из строя, по возможности не причиняя сильного вреда здоровью, а уж это может в совершенстве каждый из бывшей «Контры».

– Тридцать человек. Обалдеть.

– Знаешь, как я заметила тогда, что будь их там вдвое больше, это ничего не помняло бы. Когда нападающих больше десятка, они уже не смогут нападать одновременно, это логично, разве что задавить просто толпой, но для этого жертву необходимо грамотно

подловить, что практически исключается с бойцами этого подразделения. Они быстры как смерть, если потребуются. Их даже можно назвать самыми совершенными слугами смерти, которые облачены в человеческую оболочку. Все, мы приехали, пойдешь домой?

Платон даже не обратил внимания на то, что перед глазами показались родные ворота, а за ними родной двор, настолько был поглощен рассказом.

– Да. Я, наверное, пойду, надо отдохнуть и набраться сил перед завтрашним днем. Если только у тебя больше никаких вопросов ко мне не осталось.

– *Если ты не заметил, – весело сказала Настя, – то в последнее время вопросы идут в основном от тебя. Мне же до завтрашнего дня предпринимать и планировать ничего не стоит, а там посмотрим.*

– Ах да, совсем забыл! – встрепенулся Платон, ведь вспомнил вопрос, с которого хотел начать расспросы о «Контре». – Ты говорила, что «Контра» была создана из десяти бойцов и никогда не пополнялась, за исключением Соколова, а как же состоит ситуация на сегодняшний день?

– *Точно так же.*

– То есть, ты хочешь сказать, что действующие лица, за исключением тех, кто пал в бою, остаются прежними?

– *Совершенно верно.*

– Но ведь они же... они же совсем немолоды?

– *Да, ты правильно подметил. Самому молодому в этом году исполнилось сорок лет.*

– Сорок лет? И что, они по-прежнему так хороши?

– *Ну, может скорости у них и поменьше, чем двадцать лет назад, зато опыта и навыков на порядок больше, так что они по-прежнему вне конкуренции. Соколов несколько раз пытался воссоздать подобный отряд из подобранных детей, но ничего не получилось, ведь второго Самсонова просто не найти, да и свободного времени у Соколова никогда не хватало.*

– Хм, странно... ну ладно, я все равно плохо разбираюсь в этих делах.

– *Как и я. Не забивай голову, иди, отдыхай. До завтра!*

– Да, доброй ночи.

Платон немного попарился в бане, что было нелегко с литром пива в животе, сделал пару заплывов в бассейне, помылся, накинул легкий халат и улегся прямо в каминном зале, смотря на разгоревшиеся в камине дрова, которые приятно потрескивали, доставляя душе удовлетворение. Странно, но именно этот треск, который нельзя сравнить больше ни с чем, ему больше всего запомнился из детства в те моменты, когда удавалось вырваться с друзьями на природу или съездить в пионерлагерь. Внезапно перед ним поплыли картины прошлого, и приятно защекотало внутри. Все-таки неповторимая штука – ностальгия! Разве можно сравнить ее с чем-нибудь схожим? Да и есть ли хоть что-нибудь схожее с ней!

Воспоминания минувших дней разогнали тоску и вместе с ней надвигавшийся сон. Платон вертелся на диване, слово курица-гриль, пытаясь принять удобную для сна позу, но тот все не шел, словно испугался чего-то. А дрова продолжали сладко потрескивать, лаская слух и навевая все новые воспоминания.

Наконец Платон вскочил, напился холодного сока, и вышел на улицу.

– *Не спиться?* – поинтересовалась Настя.

– Да, не очень, – кивнул он, – думал вот, сразу отключусь, да вдруг воспоминания нахлынули.

– *Бывает. У меня такое ежечасно происходит, ведь я не сплю вообще.*

– То есть я и тебя отвлек от этого?

– *Ты отвлек меня от чтения, но я всегда рада с тобой поболтать.*

– Спасибо, что читаешь?

– *«Домби и сын».*

– Диккенса? Восхитительный роман.

– *А разве есть у него романы, которые можно охарактеризовать иначе?*

– Да, ты права, я таких не знаю, – согласился Платон. – Для меня Диккенс это целая эпоха, литературный полубог. Ты знаешь, иногда я поражаюсь, как могли его книги печататься в те времена, ведь в них было столько откровенной правды и недвусмысленных намеков на прогнившую власть, ведущую народ к гибели, зажавшихся и чванливых богачей, считающих себя недосыгаемыми, столько сочувствия к угнетенным нищетой массам, в общем, в них было столько правды, которая к тому же была выражена в такой великолепной литературной форме, что я до сих пор удивляюсь, как это могли печатать?

– *Хороший вопрос, – согласилась Алмазова, – но не забывай, что у Диккенса был свой собственный журнал, где пройти цензуру было куда проще, а потом и поистине народная слава, которая помогала преодолевать все преграды, стоявшие на пути. Действительно, он был человеком-эпохой, величайшим обладателем пера, когда-либо рождавшихся на земле. Он не был первым, как Шекспир, он родился гораздо позже, и поэтому до сих пор англичане пальму первенства английского пера отдают Шекспиру, но для меня, как и для многих других, Диккенс стоит вне конкуренции.*

– Для меня тоже. Я всегда удивлялся, как можно было оставить миру столь обширное наследие не уступающих друг другу романов.

– *Согласна, работал он как проклятый – на износ, поэтому и умер от инсульта. Но узнай он теперь, что его почитают как великолепного юмориста в области критики тогдашних устоев, наверное, пришел бы в отчаяние.*

– Почему? Разве он не старался высмеять государственные структуры? Министерство волокиты? Канцлерский суд? Деятельность отдельных чиновников? Общий принцип – «не делать того, что необходимо»?

– *Согласна, все это он высмеивал поистине гениально. Но не забывай того, что он четко осознавал и понимал губительность такой политики, направленной против собственного народа, пытался донести до людских масс не только юмор и саркастические уколы в адрес власть имущих, но и заставить задуматься, оглядеться по сторонам, прийти к выводам, что так жить никак нельзя!*

– Конечно. Но даже для сегодняшних читателей его книги многим не по зубам, поэтому не думаю, что в те времена люди были больше отягощены разумом, чем сейчас.

– *Ошибаешься, – возразила Алмазова, – по крайней мере, население Советского Союза в интеллектуальном плане превосходило население современной России, это я точно тебе говорю. Не всегда временной прогресс отражается на сознании людей. Наверняка так было и во времена Диккенса, который тоже был продуктом времени. Другой момент что он, безжалостно указывая на раковые опухоли страны, не давал рецепта как от них можно избавиться. Пойми, даже если человек будет осознавать, что одурачен государством, что живет абсолютно не в том обществе, о котором пишут газеты и говорят по телевизору, что политика государства ведет его и сограждан к медленной и мучительной гибели, все равно он ничего не сможет сделать, не имея серьезной поддержки, потому что кричать по сторонам, требуя, чтобы все очнулись и возмутились, так и в сумасшедший дом попасть недолго.*

– По-твоему один человек ничего не сможет сделать?

– *Я не совсем то хотела сказать. Один человек, безусловно, может повергнуть горы, но таких людей единицы, и рождаются они крайне редко, словно неземные пришельцы, наделенные десятикратным потенциалом, опережающие время кометы, ярко пролетающие над землей. Таким человеком является Меленков, но именно его комету нам необходимо погасить, иначе вспыхнет все. Диккенс, безусловно – был велик, но он наверняка сильно страдал от понимания того, что твориться вокруг. Без сомнения он хотел помочь, сделать хоть что-нибудь, лишь бы изменить губительную тенденцию. Его книги актуальны и сейчас, поменялись только*

действующие лица, но все остальное осталось по-прежнему, словно невидимая спираль повторяет движение по кругу. Отличие настоящего времени состоит в том, что сейчас мир действительно стоит на грани величайшей катастрофы всех времен. И виной всему гнилая кучка людей, возомнивших себя богами. Да, во времена Диккенса нынешний Комитет только-только возродился в недрах *Ост-Индской компании*.

– И все же мне удивителен тот факт, что он так широко печатался.

– Эта тенденция характерна не только для Англии, скорее характерная времени. Не забывай, ведь даже в царской России цензура пропускала Толстого и Достоевского. Мне сложно сказать, могли ли люди в то время по достоинству оценить величайшие труды, или просто относились к ним как к рядовым прислужникам пера? Ведь знаешь, когда не с чем сравнить великое можно и заблудиться в своих выводах, а в России до восемнадцатого века литературы словно и не было вовсе.

– Ты говорила, что это все воздействие неудобного для языка алфавита?

– Да, есть такое предположение, что русский язык до обработки его Ломоносовым был весьма непригоден для выражения, и я с этим согласна, поскольку трудно поверить в то, что до восемнадцатого века русская земля не смогла породить ни одного достойного писателя. Зато потом словно прорвало! Ты удивляешься, почему тогда печатали таких грандов мировой литературы? Может ли быть такое, что тогда просто не существовало желающих написать пустой иронический детектив, оупляющий мозг? Или их просто гасили на корню, ведь даже цензоры тех времен могли с легкостью выявить пустышку. Вспомни хотя бы Тютчева. В наше время ситуация кардинально поменялась, и я бы долго сокрушалась по этому поводу, если бы не знала, что все это плоды политики Комитета. Великие гранды современности сознательно отодвигаются в сторону, хотя и не печатать их вовсе все равно не могут.

– О ком ты говоришь?

– Александр Зиновьев – ярчайший пример тому. Большинство людей даже не подозревают, какое наследие он оставил потомкам, а чтобы по достоинству все это оценить потребуются десятилетия! Зиновьев был настоящей интеллектуальной глыбой, исключительным человеком, своим собственным «суверенным государством», как он говорил про себя. Ты читал его книги?

– Только «Иди на Голгофу», – признался Платон.

– Я думаю, ты смог по достоинству оценить этот роман. Кстати, именно в Голгофе Зиновьев приводит выписки из своего собственного кодекса поведения, который впоследствии назовут «Зиновьюгой».

– Да, я помню его, но он практически нереален для большинства живущих на земле.

– Ты прав, – согласилась Алмазова. – В большинстве своем человек слишком слаб, чтобы обходиться без помощи общества, которое формирует его сознание и придает стереотипы. Мнение общества влияет на большинство современных людей, так было всегда, и только единицы могут противостоять ему. Точнее, так принято считать, и миллиарды человеческих усилий направлены на то, чтобы поддерживать эту гнусную миссию, сравнивая Человека с беспомощным прутиком в стоге сена, а сколько религий поддерживают это уничтожение разума! Но далеко не все поддаются на эту чудовищную провокацию, и единицы, рожденные в тех же равных условиях, а порой и в гораздо худших, чем у других – достигают величия! Таким человеком был и Зиновьев. Наверняка это был титанический груз, которому приходилось противостоять ежедневно, но вся его жизнь была настроена на эту борьбу, которой могла противостоять редчайшая целостность натуры, человека, который всегда знал то, чего хотел от этой жизни, и не шел ни на какие компромиссы! В итоге именно он оказался человеком, который смог разорвать пелену лживой мировой политики и достать истину наружу, поэтому его книги мешают распространять сторонники Комитета. Про сам Комитет, Зиновьев, я думаю, не знал, как о конкретной организованной структуре, хотя несо-

мненно догадывался о существовании таковой. Не зря он писал, что вот уже добрую сотню лет политика не происходит стихийно, а все идет по четко написанному плану. Именно он предсказал для России страшную катастрофу, которая медленно отравит и загубит все корни русского народа, а также уничтожит его историю. К сожалению, он также как и Диккенс не дает четкого плана для того, чтобы этому противостоять, да разве вообще такой план возможен? И так понятно, что для начала людям в большинстве стоит переродиться в более интеллектуально-здоровое общество, ведь управлять ими тогда будет гораздо сложнее. Не зря Зиновьев говорил, что «мечтает о новом человеке». Как и Диккенс, он пытался достучаться в своих книгах до людей, заставить их очнуться, и оглядеться по сторонам, иначе этот сумасшедший сон, эта губительная подмена реальности закончатся трагически. Но, в отличие от Диккенса, он гораздо глубже проникает в суть проблемы, и не зря, поскольку он был выдающимся социологом, и романы его носят практически научную основу. Он создатель социологического романа, и, безусловно, лучший ее представитель. Стыдись, что ты так мало прочитал его книг, и постарайся исправить эту ошибку, как только все закончится.

– Я, конечно, постараюсь, но, как ты понимаешь, в данный момент мне не до этого, – вдохнул Платон.

– Понимаю.

– Да и вообще мне все это кажется утопией, особенно то, что ты называешь «Зиновьюгой». Разве может человек быть настолько совершенен?

– Зиновьев ведь был.

– Зиновьев был единичной кометой, помнишь? А мы ведь говорим о большинстве.

– Да, я все прекрасно помню. Но у людей нет шансов продолжить свое существование, если они не изменяться сами. Самое страшное то, что многие и не подозревают о собственных возможностях, связанные по рукам и ногам океаном противоречий и лживых теорий, разрывающих душу и тело, и зарождающие в человеке непреодолимый конфликт с самим собой, продолжающийся всю жизнь и характерный постоянным стяжанием самого себя, непреодолимым чувством вины, боязнью ответственности, страхом перед судьбой и обществом, неверием в собственные таланты. Даже те, кто знаком с творчеством Зиновьева и других выдающихся людей, наверняка считают, что подобное им не под силу, приписывая современным и ушедшим атлантам некую божественную силу, начертанность судьбы, предназначение свыше и прочих неземных атрибутов, мало задумываясь о том, что человек не рождается великим изначально, но лишь путем постоянной работы над собой, своим разумом, своими достижениями создает свое предназначение и судьбу! И пока большинство будет думать, что Зиновьев и многие другие выдающиеся люди родились великими, а не стали ими – ничего не изменится.

Мечта о новом человеке не есть утопия, скорее это социальная необходимость для выживания. Что ты думаешь, даже если Комитет и Меленков смогут привести в действие свои адские планы, установив единую систему управления во всем мире, поработив остаток населяющих людей, думаешь, этот порядок надолго сохранится? Сомневаюсь. Установившиеся боги в образе людском погубят себя в собственных пороках, морально растлят остатки собственных рабов, что в итоге приведет к закату человеческой расы. Не знаю, осознает ли Меленков все это. Путь к жизни может быть только созидющим, все остальное есть лишь исковерканные, искаженные пути, которые приводят к катастрофам. Шагнуть вперед и выжить возможно только через тягу к добру и любви, через собственное развитие и постоянный труд. Иначе никак. Ты думаешь, я несу полную чепуху?

– Не знаю, – признался Платон, – как показывает история, прав тот, на чьей стороне сила.

– Согласна, так было неоднократно, возможно, поэтому история до сих пор идет по невидимой, но неизбежной спирали, которая постоянно отбрасывает людей назад, словно заставляя наконец-то поучиться на собственных ошибках. Но все четко, все до сих пор бес-

полезно, раз мы стоим на пороге такой катастрофы. Хотя нет, есть отличие – боюсь, что на этот раз Бог дает нам последний шанс, не используя который человечество просто прекратит свое существование. И мы с тобой наделены честью преградить путь надвигающейся трагедии, стать поистине великими в своих деяниях, только не возгордись!

– Чего-чего, а звездной болезни я сейчас боюсь меньше всего, – горестно вздохнул Платон.

– Я рада. А по поводу большинства людей я тоже могу где-то заблуждаться. Повторюсь – люди сами не осознают своих возможностей, ведь вся система, в которой мы живем, постоянно вдалбливает нам, что мы бессильны, мы слабы, что обществом управляет зло и преступность и так далее. Все это брехня – мы сильны, прекрасны и удивительны, нет никаких причин, чтобы не понять, кто мы есть, и куда мы идем. И нет никаких причин, чтобы человек не владел своей силой. Мы необычайно сильные существа. Зиновьев это знал.

Платон не нашелся, что ответить, но полностью разделил эту точку зрения.

– Хотелось бы верить.

– Как ты себя чувствуешь?

– Если честно, то немного тянет в сон.

– *Наконец-то, иди домой, отдохни, завтра будет необычайно тяжелый день.*

Платон кивнул, поправил свой халат, и вернулся в каминный зал. Дрова уже совсем догорели, и даже слабого отблеска от них не осталось. На этот раз удалось заснуть мгновенно.

Михаил Олегович Макаров проснулся в тревоге и сел на постели. Ему только что приснился дурной сон. Мягкий фон потолочной подсветки озарял небольшую спальню, окна которой выходили на здание МГУ. Дотянувшись до телефона, Макаров-старший позвонил своей жене Марине, которая вместе с маленьким сыном была откомандирована на все лето в самопровозглашенное «царство Макарово», практически уже родовые владения Михаила Олеговича, которые располагались недалеко от Питера. Гудка примерно с десятого послышался тревожный голос Марины.

– Миша? Что случилось?

– Все хорошо, у вас все в порядке?

– Да, у нас все замечательно. Но что случилось? Почему ты звонишь в три часа ночи?

– Прости родная, мне просто приснился дурной сон. Я люблю тебя.

– И я тебя. Эти сны все результаты твоей работы.

– Да, я знаю. Извини, что разбудил. Целую.

Михаил Олегович отключил телефон, почувствовав, как с души свалился огромный камень. Слава Богу, что с родными все в порядке.

Он нередко жалел о своем решении вернуться на государственную службу, которое во многом было принято под напором действующего премьер-министра. Макаров-старший понимал, что он действительно хороший и редкий профессиональный кадр, но со временем убедился, что все его способности и опыт приносят мало пользы, поскольку ни один его проект по улучшению обстановки в области сельского хозяйства не был одобрен и не увидел свет. Полгода он потратил на то, чтобы постараться возобновить финансирование российских предприятий, занимающихся изготовлением сахара, ведь уже не один год этот продукт на сто процентов закупали за границей, тратя на это колоссальные средства, а собственные заводы покрывались пылью и ржавели от простоя. Дело было запущено хуже некуда, но все усилия Михаила Олеговича исправить обстановку пошли прахом, поскольку отклонялись министром и его замами. Тогда он предпринял несколько поездок по странам ближнего зарубежья, и нашел отличный рынок закупок сахара на территории Беларуси, которая производила его гораздо больше, чем потребляла сама. Президент Лукашенко был не против. В итоге экономия бюджета вырастала в три раза, но и эту идею Макарова-старшего не поддержали в министерстве.

Озлобленный постоянными неудачами он добился встречи с премьер-министром, которому без обиняков стал резать всю правду матку.

– Не понимаю, зачем вообще меня надо было вызывать, если вся политика министерства напоминает мне игру в одни ворота, и эти ворота отнюдь не российские? – кипятился Михаил Олегович.

Премьер-министр соглашался со всеми доводами, гневно вспыхивая глазами, осуждал бюрократию, и обещал разобраться во всем. Действительно, впоследствии он снял с должностей пару-тройку замов министра, но новые включились в противоборство с Михаилом Олеговичем с удвоенной силой, словно их выращивали в одном инкубаторе с предыдущими.

Макаров-старший просить дважды не стал, а сосредоточился на работе в рамках департамента животноводства и племенного дела, директором которого он являлся. По крайней мере, здесь ему никто не решался ставить палки в колеса. Казалось, коллеги по цеху вздохнули с облегчением, как только поняли, что он отстал от них своими инновационными и полезными для страны идеями.

Сам же Михаил Олегович решил, что доведет еще несколько проектов до конца, и вернется в свое провозглашенное царство, наплевав на все, раз уж он здесь никому не нужен.

Ближе к осени он готов был осуществить свою затею, пока не появился Самсонов и не поведал ему самую страшную историю, которую когда-либо приходилось слышать. Это перевернуло всю его жизнь, но он даже не подумал пожалеть об этом, поскольку между выбором быть участником таких событий или пережить их в стороне, для Михаила Олеговича был возможен лишь один вариант. Человек редчайшей породы стойких, честных, цельных и пронзительных людей, он готов был бросить вызов надвигающейся лавине отчаяния и горя, которая обещала захлестнуть судьбы миллионов людей, и собирался сделать это без оглядки назад. Есть много событий в жизни, через которые большинство людей проходят, опустив глаза, словно не замечая ничего вокруг. Порой это делается из страха, расчетливости, глупости и многих других причин. Но Макаров-старший пополнял тот редкий авангард борцов за справедливость, строй которых солидно измельчал за последние годы. Он редко встречал на своем пути единомышленников, но когда такие встречи случались, старался не упустить знакомства.

Одним из его хороших друзей, чью память он будет чтить до конца своих дней, был Игорь Тальков. Человек исключительных принципов, он частенько удивлял своими поступками даже Михаила Олеговича. Последним из них стали его слова на премьере амбициозного проекта русского кинематографа, картине «Князь Серебряный», которую финансировал один московский авторитет кавказской наружности. Поначалу все шло замечательно, пока этот самый авторитет не стал вмешиваться во все мелочи съемок, в результате чего разругался даже с режиссером и чуть ли не самостоятельно монтировал материал. Результат получился ошеломляющим, а картину пытались выставить чуть ли не как национальный проект нового времени, в котором к тому же снимался Тальков. Зная, каким получился итог, Игорь говорил, что не может пойти даже на премьеру, не сможет смотреть людям в глаза. Но он все-таки пошел, и сделал то, чего от него никто не ожидал: вышел на сцену, опустился на колени перед зрительным залом и сказал: «У меня к вам две просьбы. Во-первых, простите меня, что я принимал участие в этом антирусском, антиправославном, кощунственном кино. Во-вторых, не смотрите этот фильм».

Через месяц Игоря Талькова убили.

Михаил Олегович знал, что это не было случайностью, и всеми силами старался отыскать и наказать заказчика. Но потом началось противостояние Верховного Совета со сторонниками президента, за ними осень 93-го года, и так по восходящей, редко останавливающейся лестнице жизни, на которой Макарова-старшего трясло из стороны в сторону, а под конец уже настолько все перемешалось, что найти истоки оказалось просто нереальным делом.

Много чего видел и проходил Михаил Олегович, но он четко понимал, что ничто не сравниться с предстоящими событиями. Возможно, участие в этом сумасшествии будет его послед-

ним вкладом в колесницу жизни, поэтому надо приложить все силы для того, чтобы этот вклад не остался незамеченным.

Глава 6

Моросил небольшой дождь, в каплях которого периодически мелькала жизнерадостная радуга. Вот уже сорок минут Платон терпеливо ждал изобретателя Алмазова, прохаживаясь вдоль Триумфальной Арки. Иногда он возвращался к машине, стараясь выразить свое нетерпение.

– Успокойся, он уже подъезжает. Возьми себя в руки и выполни все то, что я тебе говорила.

Платон кивал и продолжал свое традиционное шествие, кидая взгляд на отражающие солнце башни Сити, словно боясь, как бы его никто не заметил оттуда.

Вымытый до блеска красный Мерседес (точная копия Насти) Платон заметил еще изда- лека, и ничуть не удивился, когда машина с номерными знаками Г001ЛФ остановилась на несколько метров дальше.

«Он что, боец „Контры?“». Это было первое, что промелькнуло в голове.

Какого же было удивление Платона, когда из машины бодро выскочил ни кто иной, как Юра, его бывший телохранитель на несколько дней. Рот широко раскрылся, и не мог сначала даже выдать приветствие.

– Ну чего застыл, словно не признал, – улыбнулся Юра. – Хотел познакомиться с изоб- ретателем Алмазовым? Считай, я за него.

Платон по-прежнему не нашелся что ответить, настолько был шокирован.

– Ладно, отходи, – подбодрил его Юра. – Где она?

– Там, в машине, – показал Платон в необходимую сторону, стараясь спрятать дрожащие пальцы. – Можешь сесть прямо за руль, я не буду мешать, подожду здесь.

– Ну как знаешь.

И Юра с традиционной легкостью запорхнул напрямик в салон. После этого двери закры- лись на центральный замок, машина завелась, и Настя плавно двинулась по трассе вперед.

Платон, оставшись на улице, мысленно представлял себе то, что творилось сейчас с Юрой, и искренне сочувствовал бедолаге. Тем не менее, он должен был через это пройти – другого варианта не существовало. Решив не оставаться под дождем больше, Платон пересел в автомобиль изобретателя Алмазова, внешне и внутренне не отличавшийся ничем от его соб- ственной машины. Это поразительное сходство в мелочах удивляло его, и он несколько раз ловил себя на мысли, что ждет появление знакомого голоса.

Отсутствие матери и сына продолжалось больше трех часов, и Платон уже сгорал от нетерпения, словно маленький светлячок, подпавший крыльями безумным огнем. Собира- ясь уже добежать до любого ларька, чтобы купить какую-нибудь булку, он заметил приближе- ние пропавшей машины. Настя припарковалась неподалеку.

Показавшийся Юра выглядел, мягко сказать, не очень, словно только что вышел из круп- ного запоя, или только начинал выходить. Платон искренне посочувствовал ему, поскольку совсем недавно пережил подобное сам.

– Ну, как тебе все это? – спросил он у изобретателя Алмазова.

– Моя мать мертва, а ты спрашиваешь, как мне все это? – удивленно поднял глаза Юра. В его голосе не было враждебности, скорее бездонная неопределенность.

– Прости, я не то хотел... – замешкался Платон. – Как тебе *это*?

– Ах, *это*, – задумался Юра. – Как изобретатель, могу сказать, что нет в этом мире ничего невозможного – в конце концов, душа умудряется уживаться с разумом, так почему же она не может сосуществовать с двигателем? Наверно, так даже проще, поскольку отсутствует внеш- нее давление. Однако подобное мне не под силу, хотя я и многое могу. Здесь вмешательство Всевышнего, не иначе.

Платон кивнул.

– Я и понятия не имел, кто ты такой, – признался он через некоторое время. – А ведь мы какое-то время были рядом.

– Ничего страшного, – махнул небрежно Юра, – я, как сам понимаешь, человек непубличный, во многом закрытый, и раскрываться без особых причин не сильно стремлюсь.

– Понимаю. Ты поможешь нам? – почему-то спросил Платон, за что заслужил пристальный взгляд от Алмазова, словно тот хотел просмотреть его насквозь.

– А как ты думаешь? Оценил уже, какая каша заварилась? Помогу, чем смогу.

– Хорошо, прости, я не совсем понимаю, что говорить, поэтому могу нести определенную чушь. Я очень удивлен, что встретил тебя таким образом.

– Знаешь, как и я, – усмехнулся Юра, который недвусмысленно посмотрел в сторону Насти. – И, как понимаешь, предметов для удивления у меня гораздо больше. Давай присядем.

Платона по привычке потянуло за руль, Юра возражать не стал, уселся на пассажирское кресло.

– *Ну что, мальчики, познакомились вторично?* – Платону показалось, что Настя говорила с юмором, словно эта ситуация и впрямь ее забавляла.

– Да уж, – буркнул он. Юра промолчал, и сразу перешел к делу.

– Мы тут кое-что уже успели обсудить вдвоем, поэтому осталось посвятить тебя в детали, раз уж нам придется работать вместе.

Платону показалось сначала, что Алмазов не очень-то доволен подобной перспективой, но вскоре он понял, что ошибается.

– Главная новость дня заключается в том, что событие, которое заочно окрестили «последнем терактом», произойдет через три дня, поэтому, как понимаешь, времени у нас совсем не осталось. Ситуация осложняется тем, что Соколов сегодня утром покинул страну, отправившись в Марокко. Еще более меня напрягает то, что я понятия не имею о том, что он собирается там делать. Двое бойцов бывшей «Контры» отправились вместе с ним, остальные трое пока здесь, в столице, но тоже понятия не имеют об этой операции. Это беспрецедентный случай. Сегодня утром я ездил в главный тренировочный пункт «Контры», в надежде раскопать побольше информации, поэтому задержался. Толку от этого оказалось немного, но одно я могу утверждать с полной уверенностью, что Соколов решил устроить настоящую кровавую баню кому-то.

– *Почему?* – поинтересовалась Настя.

– Он взял с собой полный комплект «Железного Человека».

– «Железного Человека»? – невольно усмехнулся Платон, хотя самому было не до смеха. – Это как в фильме?

– Как в фильме? – удивился Юра, который очень редко смотрел голливудские картины и не читал комиксов. – Возможно, я не знаю. Я изобретатель, а не подборщик дурацких названий, все кратко и просто – «Железный Человек» представляет собой универсальную броню, созданную исключительно для Соколова. Полный комплект покрывает его с головы до ног, и делает практически неуязвимым, если только перед ним не армада танков. Соколов еще никогда не использовал полный комплект, ведь тот весит добрую сотню кило, а в основном носил с собой шлем. Помимо этого я недосчитался новейшего зенитно-ракетного комплекса «Ястреб», который был в единственном экземпляре и еще не прошел полную проверку. Мое детище, – с гордостью отметил Юра, – может выпустить до двадцати боеголовок за минуту. Один минус, что слишком громоздкий, но только не для Соколова. Больше я ничего не успел толком разузнать, но и этой информации достаточно для того, чтобы понять, что он собирается там учинить.

– Все это, конечно, очень интересно, – вмешался Платон, – но нам-то какая от этого польза? Какая разница, куда отправился Соколов и что он будет делать?

– *Да, я, если честно, тоже не совсем понимаю*, – поддержала его Настя.

– Поверьте, сейчас это очень важно, и мне очень необходимо с ним переговорить. Соколов что-то задумал.

– А можно разъяснить? – упорствовал Платон. – Как я... то есть мы уже убедились, Соколов не тот человек, за кого мы его принимали.

– Я бы не стал делать поспешных выводов, – постерег его Юра.

– *Нет, сын, ты не прав*, – сказала Настя, и рассказала ему историю с Тони. Буквально за минуту Алмазов несколько раз переменялся в лице, потом неоднократно пытался заговорить, но постоянно прерывался, словно упускал необходимую нить или просто не мог их связать воедино.

– Мне кажется, я кое-что понял, – произнес он, наконец, но не спешил открывать карты. – Вы считаете, что Соколов с ними заодно?

Платон кивнул, Настя промолчала, выражая согласие.

– Соколов и правда будет принимать активное участие в реализации плана Меленкова, особенно в фазе войны с Китаем, ведь военная база «Сокол» станет его родной вотчиной. Однако о последнем теракте ему не известно ничего, и я, если честно, не хочу верить, что он причастен к тому, что случилось с тобой, мама.

– *Я тоже так раньше думала*.

– Повторяю, не торопитесь с выводами. Я говорил, что кое-что понял, хотя до сих пор не могу связать некоторые детали.

– Так поделись с нами, может, вместе подумаем, – сказал Платон.

– План подрыва «Воробьевых Гор» принадлежит полностью Тони, а кому еще, как не этому проклятому экстремисту заниматься такими делами? – продолжил Юра, пропустив вопрос Платона мимо ушей. – Я не был посвящен в подробности, и сам их не искал, знаю лишь, что это должно произойти и когда. Если честно, не будь вас сейчас рядом, я не знал бы, что мне со всем этим делать. Я ведь помню, мама, как ты пыталась убедить Меленкова не делать этого, но потом ты исчезла, и я с ног сбился, пытаясь тебя отыскать. Сейчас же я и сам понимаю, что иного выхода просто нет, и нельзя терять ни минуты. Вы решились на отчаянное дело, и я постараюсь в этом помочь, вот только больше помощи нам, похоже, ждать неоткуда. Хотя...

– *Что?*

– Мне нужен Соколов.

– *Ты так уверен, что Соколов покинул страну, а не сидит в обнимку с Тони за бутылкой водки?*

– Тони мертв, – произнес, наконец, Юра, и новость эта прогремела как гром среди ясного неба. – Соколов убил его этой ночью.

– *Что?! Откуда тебе это известно?!*

– Главное, чтобы это не стало известно Меленкову до поры. Нам надо доехать до загородного дома Соколова, и поскорее, – Юра стукнул себя по голове, – вот я идиот, как же сразу не догадался! Едем! Медлить нельзя, по приезду все объясню, я двинусь следом!

Платон толком ничего не успел понять, задать вопросов не успел тем более, потому что Алмазов пулей выскочил из машины и пересел в свою. Взревел двигатель, Настя рванула следом, особо не следя за ограничителями скорости.

– Да что здесь, черт возьми, происходит! – не выдержал Платон. – Ты хоть что-нибудь понимаешь? Как он мог узнать, что Соколов убил Тони этой ночью?!

– *Мне кажется, я начинаю понимать*, – ответила Настя, продолжая круто петлять между машинами, – *СБГ имеет единую информационную базу, которая хранится на ряде серверов, расположенных в Сити. Туда стекается вся информация, в том числе и запись с сотен камер наружного наблюдения, где бы те не находились. Такие стоят у Меленкова во всех квартирах и загородной резиденции. Такие есть и у Соколова. Проникнуть на сервер могут лишь единицы –*

Меленков, Соколов, мой сын, я, и еще несколько ближайших помощников Толи, в том числе Красовский.

– Красовский!

– *Не переживай, этот как раз не очень любит компьютеры и балуется такой возможностью крайне редко.*

– А ты можешь сейчас найти нужную нам информацию?

– *А чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь!*

– Ты только это, на дорогу не забывай смотреть, – неловко сказал Платон, поскольку, проскочив очередной светофор, Настя чуть было не задела проезжавшую мимо фуру.

Она не ответила. Вскоре зажегся экран встроенного монитора, и Платон несколько минут наблюдал, как невидимая рука проникает на нужные сервера, вводит необходимые пароли, проходит лазейки совершенно непонятных файлов, и вот, наконец, экран вновь преобразился в более сносное изображение, в котором Платон без труда узнал придомовую стоянку Александра Соколова. Изображение мелькнуло, и стало меняться быстрыми картинками – прихожая, зал, кухня, спальня, огромный гараж. Платон смотрел как завороченный, с замиранием сердца. Однако на всех изображения было пусто и царил полный покой.

– *Слишком рано.*

Картинка на экране остановилась на стоянке перед домом, и кадры заплыли в ускоренной перемотке. Внизу отображалось время съемки, и вплоть до двух часов ночи на камерах не было заметно ровным счетом ничего, а потом подъехал огромный джип хозяина дома. Настя остановила перемотку, и экран вновь преобразился. Из джипа вышел Соколов и Тони, и оба направились по направлению к дому. К сожалению, нельзя было услышать, о чем они беседуют, читать же по губам Платон не умел, да и съемка была не идеальна. Одно наверняка, говорили они много. Расположившись в гостиной, они проболтали минут тридцать, если не больше, и Соколов за это время попадал лицом в камеру лишь дважды, в основном стоя к ней спиной. Платон даже заскучал от этого немного диалога, а перематывать Настя не захотела.

– *Терпи,* – сказала она, не сбавляя скорости. Переправившись через МКАД, она рванула еще быстрее. Юра не отставал.

Смотреть в окно было страшновато, и Платон продолжил наблюдать за записью, машинально трогая ремень безопасности.

Минут десять еще Соколов что-то говорил и говорил, расхаживая вдоль комнаты, а Тони молча следил за ним и изредка что-то отвечал.

Платон уж было думал, что на этом все и закончиться, но вдруг замер – после очередных слов, к сожалению, недоступных для него, Тони переменялся в лице, вскочил с широкого кресла и прижался к стене, словно ожидая землетрясения. Соколов медленно придвигался к нему, по-прежнему не попадая лицом в кадр, и Платону казалось, что он продолжает задавать какие-то вопросы. Поняв, что все выходы перекрыты руководителем СБГ, Тони внезапно накинулся на него, стараясь вспороть ножом живот гиганта. И откуда у него в руке оказался нож? Платон этого не успел заметить, а просить Настю промотать назад духу не хватило. Соколов молниеносно отпрыгнул в сторону, частично закрывшись рукой, за что получил небольшое ранение – острый нож задел область плеча. Казалось, он совсем не заметил этого и даже не почувствовал, по крайней мере, на лице – а он теперь находился в самом центре съемки – не дрогнул ни один мускул. Пользуясь секундным выигрышем, Тони бросился к двери, хотя гораздо разумнее было постараться выскочить в окно. Соколов нагнал его мгновенно, как быстрый гепард антилопу, сбив ударом в плечо с ног. Тони вскочил, пошатываясь, и попятился к окну. Нож в его руке, которая словно попала под наковальню, был больше не опасен, хотя он и попробовал перехватить его левой рукой и замахнуться на Александра. Соколов большое не медлил, ударив в грудь соперника, он проделал это еще трижды, и Платон словно чувствовал, как под этими ударами ломаются кости, вздрагивая каждый раз. Никогда в жизни он

не видел ничего подобного, и пытался оторвать глаза от экрана, но не мог. Тони был тоже огромен, но ничего не мог поделать перед мощью Соколова, и уже сползал по стене как тряпичная кукла. Думая, что на этом все и закончиться, Платон ошибался, впившись руками в руль от страха.

– *Эй, ты чего делаешь?! Не мешай ехать!* – заорала Настя.

– Да как же это, – бормотал Платон, оторвавшись от руля, – ты только посмотри, что же он делает?!

– *Визжу.*

На экране происходило нечто невообразимое. Соколов приподнял Тони, перекинул через себя и швырнул сквозь всю комнату, сильно дернув за руку, поранившую его ножом. Платон практически слышал, как та выскочила из своих пазов и болталась теперь как пришитая. Подойдя к еле дышащему экстремисту, Александр безжалостно выломал поврежденную руку – словно обезумевший от голода лев, отгрызший конечность несчастной зебре – и отбросил в сторону. Платон отказывался верить своим глазам, практически перестав дышать. Он и не подозревал, что такое возможно вообще!

Тони был полностью обезврежен, Соколов же отправился в машину – Настя старалась переводить камеры, отслеживая его, поскольку второй бы уже никуда не делся – достал широкий чемоданчик, как у врача и вернулся в гостиную. Не теряя времени, он наскоро перетянул то, что осталось от предплечья, и остановил кровотечение. Затем сделал несколько уколов в плечо и в шею, а под конец дал жертве понюхать какой-то гадости, чтобы прийти в себя. Тони затрясся в судорогах и открыл глаза, позволив Соколову усадить себя на прежнее место. О чем Александр спрашивал экстремиста, Платон, разумеется, понять не мог, но разговор продолжался еще минут пятнадцать, после чего Соколов свернул жертве шею голыми руками, и отнес тело в гараж. Потом он еще немного побродил по дому, небрежно убирая следы борьбы, сел в машину и уехал.

Экран погас, но Платон ошарашено смотрел на темный монитор, словно ожидая продолжения, и даже не заметил, как машина остановилась.

– *Чего застыл? Приехали.*

Он огляделся – перед глазами виднелась та самая придомовая стоянка, которую он только что наблюдал с записи телекамер. Выйдя на улицу, Платон с облегчением вдохнул свежего воздуха, от чего даже закружилась голова.

– *Иди, помоги ему!*

Юра уже копошился в гараже, извлекая из погребка тело мертвого Тони. Платон подскочил и помог ему поднять экстремиста, который весил больше ста пятидесяти кило, и со смертью вес не сбросил.

– Ну и туша, – сетовал Алмазов. – Где только таких рожают.

Платон полностью разделял его негодование, напрягая все силы. Наконец, им удалось извлечь Тони на свет Божий и уложить на пол.

– Что будем делать теперь?

– Что-то, увезем этот образ отсюда и сбросим к рыбам, какое-то время его не найдут. Я знаю подходящие места, – ответил Юра, и Платон похолодел от таких знаний.

– Ты пока оттащи его к машинам, по земле проще, а я быстро сотру наши рожи с камер наблюдения и постараюсь, если получится, уничтожить ночную съемку. Кто знает, может ее еще никто не видел.

– Мы видели.

– А мама времени зря не теряет, – ухмыльнулся Алмазов. – Ладно, давай, тащи этого бугая и жди на улице.

Платон кивнул, и, кряхтя, принялся на поручение.

Алмазов метнулся в спальню руководителя СБГ, где находился компьютер, подключенный к серверу, набрал все необходимые пароли, и долгое время пытался обойти внутреннюю защиту сервера, чтобы стереть необходимые файлы.

– Ну как? – спросил его Платон, который уже заждался на улице, нервно прохаживаясь по двору.

– Вроде, получилось, хотя я почти отчаялся. Правда, при уничтожении файлов система произвела резервное копирование, но есть и хорошие новости – только мне теперь известно, где эти копии находятся.

– Хорошо, остается надеяться, что эту запись никто не видел. Поможешь?

– Конечно, – ответил Юра, и они вдвоем потащили Тони к багажнику, обернув тело в длинный ковер, который реквизировали в прихожей.

– *Не смей складывать эту тварь в мой багажник!* – услышали они разъяренный голос Насти.

Алмазов пожал плечами, и они переложили экстремиста в багажник второй машины.

– Как обычно – я впереди, а вы за мной.

Платон кивнул, привычно усаживаясь, и они покинули загородный дом Соколова.

– Что ты обо всем этом думаешь?

– *Я не знаю. Но в одном уверена точно – Тони мне не жалко.*

– Да нет, я не об этом. Соколов может нам помочь?

– *Убить Меленкова? Да ты спятил, если так думаешь. Саша никогда не поддержит нас в этом.*

– Жаль.

Платон не следил за дорогой, смотрел немного по сторонам и думал о своем. Юра съехал с трассы в небольшой лесок и стал петлять проселочными дорогами, которые периодически вообще исчезали, и ехать приходилось по густой траве.

Минут через десять они выехали к берегу небольшого озерца, окруженного деревьями, где и утопили тело экстремиста.

– Ближайшее поселение здесь за двадцать километров, и одинокие путники сюда редко заходят, разве что бродяги, но те вряд ли будут звонить в милицию. Возможно, его не скоро найдут, – сказал Юра.

– Это что, одно из ваших загородных кладбищ?

– Можешь считать так.

– Хорошо, что теперь будем делать? – поинтересовался Платон.

– Ждать Соколова. Мне надо с ним поговорить. Тони мертв, и как только об этом станет известно, возможно, взрыв башен перенесут. А может и нет. В любом случае мне надо дожидаться Александра.

– На что ты рассчитываешь? Настя говорит, что Соколов нам не помощник против Меленкова.

– Если честно, то я тоже, – сказал вдруг Алмазов. – Больше всего сейчас меня тревожит последний теракт, а с... Петровичем пусть она разбирается сама, – кивнул он в сторону Насти, немного запнувшись на имени собственного отца, отводя взгляд в сторону. – Я лишь помогу укомплектовать ее для этого. Есть у меня парочка идей, но сначала башни.

– *Может, хватит там трепаться на улице, или я в ваши планы не вхожу?* – послышался недовольный голос.

Они переглянулись и сели в машину.

– Прости, – сказал Алмазов, – никак не могу привыкнуть.

– Весьма понимаю, – кивнул Платон и пересказал Насте их разговор.

– *Ты правда считаешь, что теракт отложат?*

– Не отложат. Скорее – перенесут, – поправил ее Юра. – Но на это рассчитывать особо не стоит. Прежде всего, я предлагаю заняться терактом, а уже потом ты будешь сводить счета с Меленковым.

– *Я не тороплюсь. Главное сейчас башни, ты прав. Что ты предлагаешь?*

Алмазов задумался.

– Мне известно, что сам план подрыва разработал этот ублюдок, – указал он в сторону озера, – известно, как это должно произойти, но я не знаю исполнителей, и это очень плохо. У Тони было несколько таких бригад, и в общей сложности там человек двести наберется. Даже зная их адреса, мне физически не перестрелять такую толпу за столь короткое время.

– *Ты сказал, что знаешь, каким образом будут подрывать башни. Расскажи.*

– Ну, здесь-то ничего гениального нет, все просто – оперативная группа завезет взрывчатку, которую рассуют по второму и третьему этажу каждой башни в места, предназначенные для хранения разной утвари обслуживающего персонала, а ночью просто приведут ее в действие. Более разумно было бы подорвать весь паркинг, но наших знакомых жаба задушила, ведь на этом месте потом планировалось построить торгово-развлекательный центр с аквапарком и океанариумом.

– О Боже, – вздохнул Платон.

– *Это чудовищно.*

– До вас что, только что дошло? – горько усмехнулся Юра. – Наша задача ясна – мы не должны им позволить заложить взрывчатку.

– Но как? – развел руками Платон. – Их ведь там не два человека будет! Ты, быть может, и великий боец, но я не могу похвастать тем же. Откуда ждать помощи? Ведь власти вы не решаетесь подключить?

– Хороший вопрос, я тоже думал об этом. Нам понадобится хорошая вооруженная поддержка.

– *Можешь подключить коллег по цеху?*

– Исключено – «Контра» подчиняется только Соколову, и никому больше. Быть может, когда он вернется... но не сейчас.

– *Это был бы беспроигрышный и верный вариант.*

– Я знаю, – не без гордости ответил Юра, которому польстили эти слова. – Но я попытаюсь придумать и резервный вариант. Самым лучшим было бы разузнать, что за группа уродов будет орудовать там, и перебить их заранее, но, боюсь, это невозможно. Значит, придется ждать на месте и надеяться, что взрывы перенесут, чтобы у нас было больше времени подготовиться.

– Что ж, будем надеяться, – вздохнул Платон. – А у нас есть шанс узнать, если перенесут сроки?

– Не могу гарантировать, но я постараюсь сделать все, что только возможно.

– Хорошо. Куда двинемся сейчас?

– Предлагаю вернуться в город и перекусить, я изрядно проголодался. А там уж видно будет кто куда.

Соколов очнулся после получасового сна, восстановившим его силы достаточно, и посмотрел в окно – суша осталась позади, и теперь лишь волны беспокойного Средиземного моря отражали мимолетные солнечные блики. Они летели достаточно низко, чтобы заметить даже одинокую лодку, а также избежать лишней внимательности посторонних радаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.